

A
0001 146 984
8
UC SOUTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY

6691

75
✓

Максимъ Формонъ.

Максимъ Формонъ.

Собраніе сочиненій.

Томъ 1-ый.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ
Столичное Книгоиздательство.
Ул. Жуковскаго, д. № 8.

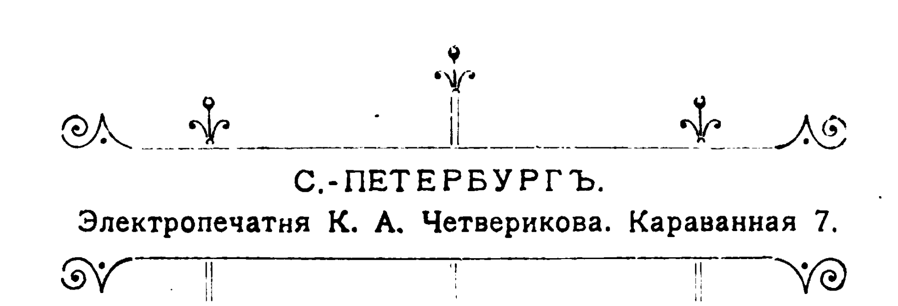
Максимъ Формонъ.

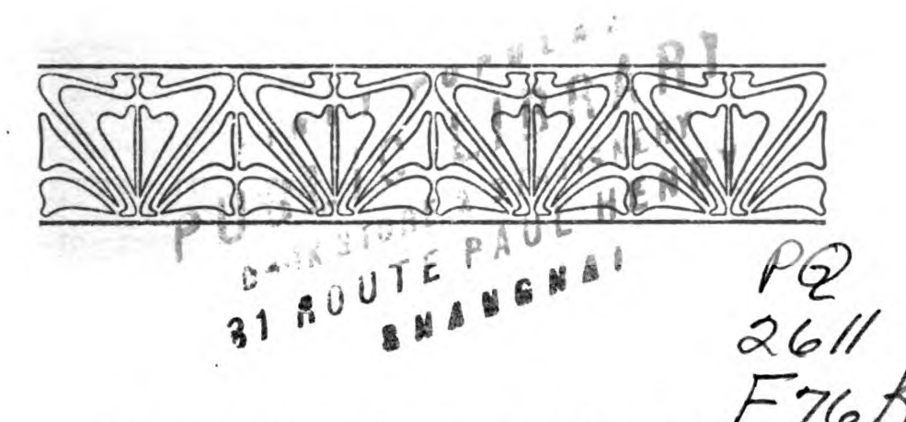
Красный Поцѣлуй.

РОМАНЪ.

Перев. съ посл. франц. изд.
Д. Ч-овой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1910.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Электропечатня К. А. Четверикова. Караванная 7.

Красный поцѣлуй.

Фелинъ Рамиро покинулъ столъ, гдѣ онъ оставилъ двѣ трети своего состоянія, прошелъ быстро игорный залъ и бальный. Онъ былъ немного блѣднѣе обыкновеннаго, но владѣлъ собою; онъ вышелъ на террасу казино, которое находилось на берегу моря. Это было въ Biarritz'ѣ лѣтомъ 19 . . года.

Была лунная ночь. Волны тихо шумѣли.

Послѣ сегодняшняго несчастья у него оставалось лишь нѣсколько тысячъ жалованья и великодушіе герцога de Cotomayor, его дяди.

Но онъ не волновался. Даже въ этотъ моментъ его страстная испанская натура шептала ему объ удовольствіи: онъ вынулъ сигару, зажегъ ее и сталъ жадно курить.

Луна освѣтила его.

Рамиро былъ тонокъ и высокъ. Движенья его дышали мягкостью. Волосы были мягкіе, чернаго цвѣта, лицо покрыто жгучей блѣдностью.

„А между тѣмъ, нужно принять какое нибудь рѣшеніе“, подумалъ онъ.

Неожиданный шумъ платья заставилъ обернуться его. Къ нему приближался его другъ маркиза Maria de Cassa Real.

«Ты проигралъ?» спросила она. «Ты былъ такъ блѣденъ, я испугалась. Сколько ты проигралъ?»

„Все, что у меня было: двѣ трети моего состоянія“.

„Какое сумасшествіе“ прошептала маркиза.

«Но что же мнѣ дѣлать, какъ не сумасшествовать? Не вамъ меня упрекать въ этомъ. Если я теряю голову, то лишь благодаря положенію, которое создала наша связь, и вы знаете это. Ахъ, вашъ мужъ сумѣлъ отомстить!.. Жениться на васъ это значитъ раззорить васъ, такъ какъ въ случаѣ вторичнаго замужества вы не имѣете права на его состояніе; оставаться вамъ вѣрнымъ, это значитъ осудить самого себя на смѣшное положеніе, отказавшись отъ выгоднаго брака, который могъ бы меня спасти»...

«Женитесь на моей кузинѣ Coucha: я вамъ часто предлагала это», замѣтила оскорбленная маркиза.

Элегантный ротъ Рамиро изобразилъ презрительную гримасу;

„Она уродлива, сказалъ онъ. Нѣтъ, видите ли, остается только покориться. Но вы говорите о сумасшествіяхъ; самое ужасное, по моему это то, которое мы совершили однажды вдвоемъ.“

„Вы жалѣете о немъ?“

„Иногда, да“.

Лицо маркизы измѣнилось.

„Ты жестокъ“, промолвила она.

Фелинъ холодно отвѣтилъ:

‹Вамъ бы слѣдовало войти; безполезно чтобы васъ видѣли›.

‹Если-бы для меня не было безразлично быть компрометированной, я бы не ждала вашихъ заботъ относительно моей репутаціи›.

Минуту спустя она прибавила:

„Я васъ стѣсняю, безъ сомнѣнія? Вы, быть можетъ, ухаживаете за кѣмъ нибудь изъ француженокъ?

— Ахъ, отвѣтилъ онъ раздраженный, оставьте въ сторонѣ вашу ревность!

Эти два существа, оскорблявшія другъ друга обоюдными упреками, были одинаково прекрасны, и можно было подумать, что ихъ соединила лишь любовь въ эту очаровательную ночь.

Маркиза была нѣсколькими годами старше Рамиро: ей было подъ тридцать. Она была большого роста съ волосами— цвѣта воронья крыла и матовымъ цвѣтомъ лица. Она была прекрасна, блистая брильянтами. Это роскошное украшеніе внушало страхъ, запрещало, казалось, ея тѣлу даже поцѣлуй, она напоминала богиню. А между тѣмъ маркиза въ этотъ моментъ была обыкновенной женщиной, мучимая ревностью, оскорбленная своимъ другомъ... Ихъ пытка была дѣломъ покойнаго маркиза. Когда онъ узналъ объ интригѣ своей жены съ

Рамиро, Alfonso de Cassa Real вызвалъ его на дуэль. Черезъ шесть мѣсяцевъ онъ скончался въ сильныхъ мученіяхъ. Зная, что маркиза не полюбитъ никого кромѣ Рамиро, онъ рѣшилъ наказать ее, запрещая ей выйти замужъ за Фелина, подъ угрозой лишенія состоянія. „Фелинъ не согласится жить въ бѣднотѣ и, въ концѣ концовъ, покинетъ ее", думалъ маркизъ.

Alfonso de Cassa Real не ошибся. Фелинъ заставлялъ страдать свою любовницу, въ особенности въ этотъ вечеръ.

Она вздрогнула. Человѣкъ пятидесяти лѣтъ, длинный и сухой былъ за ея спиною. Это одинъ изъ ея соотечественниковъ графъ Ubanez. Онъ принесъ ей мантію, такъ какъ опасался вечерней сырости.

„Но мнѣ не холодно, отвѣтила она

раздраженнымъ тономъ. Она поняла, что мантія была лишь предлогомъ. Графъ слѣдилъ за нею повсюду.

Рамиро, воспользовавшись разговоромъ маркизы съ графомъ, поспѣшилъ войти въ Казино. Онъ подошелъ къ секретарю французскаго посольства въ Мадридѣ Жаку де Тьенъ.

„Добрый вечеръ, дорогой, обратился послѣдній къ Рамиро, подавая ему руку. Мнѣ сказали, что вамъ очень не повезло сегодня въ баккара, правда ли это“?

— О, это неважно. Впрочемъ, я наказанъ и не прощу себѣ того, что покинулъ этотъ залъ, гдѣ есть такая масса прекрасныхъ женщинъ.

— Вѣчно они влюблены, эти испанцы! Въ такомъ случаѣ смотрите на нихъ, если это можетъ васъ утѣшить.

Рамиро дѣйствительно вскорѣ утѣшился. Какъ раньше сигара, такъ те-

перь видъ открытыхъ плечъ и шей, заставилъ его забыть житейскія невзгоды. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него сидѣла молодая дѣвушка. Ея тонкія руки были покрыты повыше локтя шведскими перчатками. Узкое платье рисовало прекрасныя формы.

Молодая дѣвушка, повидимому, принадлежала къ высшему французскому обществу. Это было одно изъ тѣхъ лицъ, въ которыхъ каждый моментъ находишь новую прелесть и которыя безконечно чаруютъ васъ.

— Кто эта барышня? спросилъ Рамиро у Жака де Тьенъ. Вы знакомы съ нею?

— Очень хорошо. Это дочь друга моего отца, М-r Адріенъ Соваль, который былъ моимъ опекуномъ.

— Она восхитительна.

— Не правда ли? Вѣдь она красива, и, какъ кажется, не нуждается въ бо-

гатствѣ; между тѣмъ она будетъ имѣть въ одинъ прекрасный день сто тысячъ ливровъ ренты. Она единственная дочь.

А затѣмъ, шутя, прибавилъ:

— Хотите, я васъ представлю?

— Прекрасно.

— Слѣдуйте за мною.

Черезъ минуту онъ былъ представленъ и M-lle Соваль приглашена имъ на вальсъ.

Спустя нѣсколько моментовъ молодая пара кружилась въ вальсѣ. У Рамиро было ощущеніе наступленія новой жизни для него.

Молодая дѣвушка ничего не предвидѣла, развѣ лишь то, что была смущена и счастлива, какъ никогда въ жизни. Она кружилась, закрывъ глаза.

Рамиро увѣренъ въ успѣхѣ. Онъ танцуетъ съ большимъ увлеченіемъ.

Вальсъ кончается.

— Она много танцовала и ужъ устала, говоритъ M-lle Соваль своей женѣ.

— Тереза, зоветъ мать.

Послѣ легкаго кивка головою своему кавалеру, она подходитъ къ родителямъ.

Рамиро направляется въ буфетъ.

Здѣсь онъ встрѣчаетъ маркизу. Она слѣдитъ все время за своимъ любовникомъ. Что было бы, если-бы она видѣла его вальсирующимъ съ M-lle Соваль?

Рамиро взволнованъ. Онъ чувствуетъ, что если маркиза сдѣлаетъ ему маленькій намекъ, скажетъ одно слово,—разыграется ужасная сцена.

Онъ спѣшитъ уйти изъ Казино, чтобы быть скорѣе у себя въ комнатѣ, чтобы подумать о приключеніяхъ вечера.

Постель готова, но прекрасный Фелинъ не имѣетъ желанія спать. Онъ усаживается на краю постели и задумывается. Взглядъ его невольно переходитъ на

каминъ, гдѣ стоитъ послѣдняя фотографія маркизы въ бальномъ туалетѣ. Это напоминаніе о связи тиранитъ его, заставляетъ сильнѣе сознавать необходимость разрыва. Никогда эта женщина не пойметъ положенія; не пойметъ, что заботы о будущемъ заставляютъ его жениться. Она не пойметъ, что, несмотря на всѣ мольбы ея племянницы, онъ все-таки не можетъ жениться на ней, такъ какъ она уродлива. Теперь у него нѣтъ почти ничего. Его жалованіе офицера не даетъ ему возможности жить такъ, какъ живутъ его товарищи. Его дядя помогаетъ ему иногда, но это мало. Быть можетъ въ сорокъ лѣтъ онъ будетъ генераломъ, но гдѣ будетъ тогда его молодость?

Рамиро ни минуты не думаетъ о томъ, чтобы зарабатывать. Онъ испанецъ благородный и лѣнивый, Еслибы война про-

должалась, онъ постарался бы достигнуть какого нибудь дипломатическаго поста, положенія при дворѣ. Но война кончена и не скоро возобновится.

Что же сдѣлать, какъ не жениться?

Въ Мадридѣ всѣ знаютъ о его связи; его репутація вивера пугаетъ семьи; всѣ красивыя уже за мужемъ, а онъ не любитъ некрасивыхъ. Онъ никогда не будетъ вульгарнымъ искателемъ приключеній. Онъ презиралъ бы милліоны, если бы они не были ему принесены красивой рукой.

Рука Терезы Соваль красива.

„Я женюсь на ней“ говоритъ онъ громко.

Онъ знаетъ, что добьется успѣха, ему помогутъ въ этомъ, его имя и положеніе. Тереза не откажется быть графиней Рамиро.

Онъ сталъ припоминать свои побѣды.

Изъ всѣхъ своихъ приключеній, которыя онъ самъ считаетъ банальными, одно останется надолго въ его памяти: связь съ итальянской пѣвицей въ Мадридѣ.

Наконецъ встрѣча съ маркизой de Real на одномъ изъ баловъ при дворѣ.

Она быстро влюбляется въ него, говоритъ это сама съ смѣлостью свѣтской дамы, которая ничего не скрываетъ, когда этого требуетъ ея капризъ.

Но это еще лучше каприза, эта андалузская страсть, ея увлеченіе, ея жаръ.

Рамиро, несмотря на привычку къ успѣху, польщенъ: маркиза—знаменитая красавица въ Мадридѣ.

Начинаются подозрѣнія мужа, дуэль, ударъ саблей, результатомъ котораго является болѣзнь втеченіе шести мѣсяцевъ и, наконецъ, смерть маркиза de Real.

Почти тотчасъ же разыгрывается война. Рамиро весь отдается ей. Онъ раненъ, но война кончается. Рамиро возвращается въ Мадридъ. Разочарованный, онъ снова поселяется въ своей квартирѣ, полной воспоминаніями о побѣдахъ.

Рамиро начинаетъ скучать.

Его любовница кажется ему ужъ менѣе очаровательной, такъ какъ болѣе доступна.

А маркиза между тѣмъ сильно страдаетъ. Она не даетъ ему свободы, боясь, чтобы онъ не злоупотреблялъ ею. Маркиза ѣдетъ за нимъ въ Biarritz.

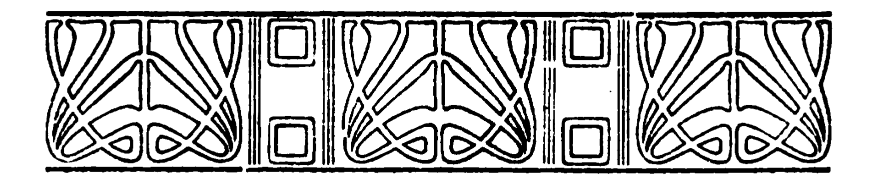
Что сказала бы она, высокомѣрная Марія, еслибы знала мысли Рамиро въ этотъ моментъ?

Онъ медленно раздѣвается и засыпаетъ.

Комната Терезы Соваль находится этажемъ ниже.

Ужъ часъ, какъ она лежитъ, но не можетъ сомкнуть глазъ. Никакой изъ баловъ не произвелъ на нее такого впечатлѣнія, какъ этотъ.

Она слышитъ еще слова Рамиро, чувствуетъ его легкое объятіе, которое охватываетъ ее всю, всю...

II.

Между десятью и одиннадцатью часами, пляжъ Biarritz'a усѣянъ зонтами бѣлыми, красными, желтыми, черными. Купальщицы спѣшатъ къ своимъ кабинкамъ. Онѣ въ костюмахъ, красиво облегающихъ ихъ тѣла.

А вотъ и Тереза съ своей англичанкой.

О чемъ она думаетъ? Она не посмѣла бы сказать этой сухой особѣ, одѣтой въ черное.

Со вчерашняго дня, она думаетъ объ испанцѣ, другѣ М-r де Тьенъ. Она сама даже удивляется и немного огорчена.

Никогда М-r Соваль не избралъ бы для лѣтняго отдыха модный курортъ. Но

домашній врачъ совѣтовалъ поѣхать въ Biarritz, благодаря его мягкому климату. Сестра Терезы умерла отъ сердечной болѣзни, и сама Тереза довольно слаба.

Тереза въ первый разъ въ такомъ шумномъ мѣстѣ. До сихъ поръ она знала лишь два,—три дома своихъ подругъ. Она воспитывалась дома.

Ей девятнадцать лѣтъ, но она еще не знаетъ любви. На балахъ своихъ родителей ей еще не пришлось встрѣтить никого, кто бы задѣлъ ея дѣвичье сердце.

Одна личность заняла ея воображеніе теперь. Это личность гордаго, рыцарскаго Рамиро, съ которымъ она вчера танцовала. Вдругъ она вздрагиваетъ.

Два господина идутъ ей навстрѣчу. Это Жакъ де Тьенъ и Рамиро. Они подходятъ къ ней, привѣтствуя ее. Они также изящны въ своихъ костюмахъ

пляжа, какъ и вчера въ бальныхъ фракахъ. „Вы не утомлены, mademoiselle?- спрашиваетъ Жакъ de Тьенъ.

— Немного, отвѣчаетъ она съ легкой улыбкой: съ весны я на первомъ балу.

— Въ такомъ случаѣ вы не примете-ли участія въ прогулкѣ, которую мы совершаемъ сегодня послѣ обѣда?

— Безъ васъ, прибавляетъ Рамиро, будетъ совсѣмъ неинтересно.

Это замѣчаніе заставляетъ краснѣть молодую дѣвушку.

Тереза не спускаетъ съ него глазъ.

Де Тьенъ замѣчаетъ это.

„А между тѣмъ вѣдь я причина всему, думаетъ онъ: если бы я не представилъ Рамиро M-lle Соваль, если-бы я не разсказалъ ему о ста тысячахъ ренты, не было бы романа... Впрочемъ, кто знаетъ, быть можетъ они сами бы встрѣтились. Эти вещи извѣстны лишь небу“.

Miss смотритъ на часы, и, находя, что приближается святой для нея часъ завтрака, напоминаетъ объ этомъ Терезѣ.

— Miss говоритъ, что уже поздно, замѣчаетъ m-elle Соваль: она права. До свиданія, прибавляетъ она робко, взглянувъ на Рамиро.

Испанецъ привѣтствуетъ ее. Онъ очень корректенъ и строгъ. Взглядъ его холоденъ.

Это измѣненіе смущаетъ душу молодой дѣвушки.

Тереза направляется къ дому съ Miss Kitty. Она ничего не видитъ, ничего не слышитъ.

Двадцать минутъ спустя завтракъ объединилъ семью Соваль въ нижнемъ этажѣ отеля.

— Ради Терезы я предпочитаю не принять участія сегодня въ прогулкѣ, гово-

ритъ m-me Соваль. Что вы думаете объ этомъ, Адріенъ?

— Вы правы, отвѣчаетъ m-r Соваль. Я не сторонникъ этихъ прогулокъ: поневолѣ приходится знакомиться съ людьми не своего круга, а это влечетъ за собою хотя и временныя, но непріятности.

— Между прочимъ, снова началъ M-r Соваль, не могу сказать, чтобы я былъ очарованъ молодымъ испанцемъ, котораго намъ представилъ вчера на балу de Тьенъ".

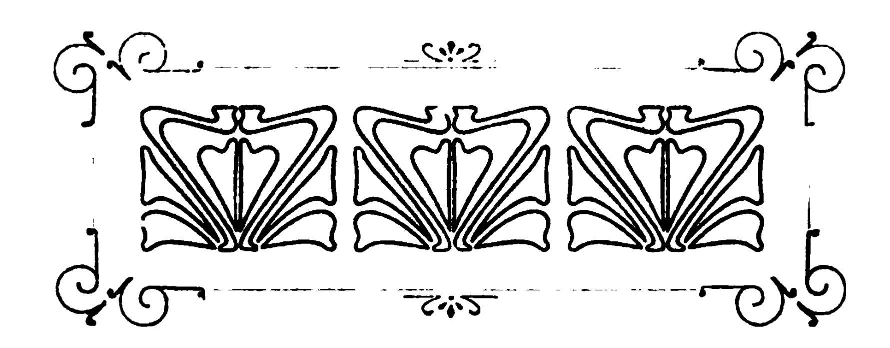
Тереза ждала такой критики отъ отца, а между тѣмъ ея сердце стало еще сильнѣе биться при слѣдующихъ словахъ:

— Я нахожу, что онъ не сдержанъ въ своей манерѣ обращаться съ молодыми дѣвушками. Кромѣ того въ немъ есть нѣчто слишкомъ смѣлое.

— Что же, это—испанецъ, замѣтила m-me Соваль.

По ея мнѣнію, испанцы были существа безумныя, покорители сердецъ, поющіе серенады, дерущіеся на дуэляхъ, однимъ словомъ существа опасныя.

Тереза почувствовала, что пропасть встаетъ между нею и ея семьей.

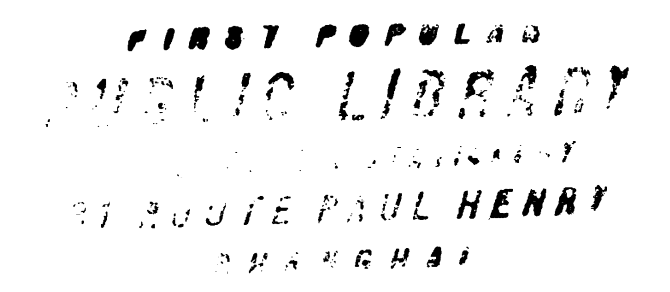

III.

Втеченіе нѣскольких дней Фелинъ не появлялся въ Казино.

Тереза, безпокоясь, спрашивала ужъ себя, не покинулъ ли онъ Biarritz, какъ въ одно прекрасное утро, гуляя съ матерью на пляжѣ, она встрѣтила его. Онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ее.

На слѣдующій день она видѣла его въ общемъ салонѣ, куда она пошла сопровождаемая родителями. Онъ поклонился, но не подошелъ. Онъ не показывалъ виду, что хочетъ войти въ сношенія съ семьей Соваль.

„Быть можетъ онъ разочаровался во мнѣ?“ думала Тереза. Почему онъ измѣнился такъ быстро?

Вдругъ Тереза почувствовала на себѣ такой жаркій взглядъ Рамиро, что всѣ опасенія сразу исчезли.

Рамиро былъ тотъ-же.

Манера исчезать изъ жизни своей жертвы для того, чтобы потомъ неожиданно войти въ нее, говорила объ опытности обольстителя. Такимъ образомъ онъ держалъ дѣвушку всегда насторожѣ.

Она думала только о немъ, она жила только имъ.

-- Съ Терезой что-то неладное, сказала какъ то m-me Соваль мужу, когда они остались вдвоемъ.

— Какъ мнѣ кажется, ея здоровье улучшилось...

— Она нервна, ея мысли заняты чѣмъ-то.

— Что же, вы думаете, это можетъ быть? спросилъ жену г-нъ Соваль.

— Не знаю. Быть можетъ она думаетъ о комъ нибудь?

— Полно! Неужели ты думаешь, что воспитаніе, которое мы дали ей, позволило бы ей увлечься кѣмъ-нибудь, не спросивъ нашего совѣта?

— Быть можетъ она не смѣетъ съ нами говорить объ этомъ, замѣтила робко m-me Соваль.

— А она видѣлась ужъ послѣ бала съ испанцемъ, другомъ Жака?

— Не думаю, отвѣтила m-me Соваль.

— Чтобы знать что-нибудь, слѣдовало бы спросить ее самоё: она бы скоро себя выдала. Вы ничего еще не говорили ей о своихъ подозрѣніяхъ?

— Нѣтъ.

— Такъ и не говорите. Постараемся, чтобы она встрѣчалась съ этимъ госпо-

диномъ какъ можно рѣже. Нужно будетъ, чтобы она рѣже бывала въ Казино.

M-me Соваль была согласна со своимъ мужемъ. Она старалась не оставлять ее одну, отправляясь съ нею на прогулки.

А между тѣмъ страсть, рожденная въ одинъ вечеръ, быстро развилась въ Терезѣ. Вскорѣ эта страсть перешла въ глубокое чувство. Ужъ давно она испытывала необходимость любить.

Родители никогда не подозрѣвали о существованіи такого чувства въ ней, а она никогда не думала дѣлиться съ ними: отецъ пугалъ ее всегда немного; что касается матери, то послѣдняя смотрѣла на нее, какъ на ребенка, который еще забавляется.

Черезъ нѣкоторое время Соваль были приглашены на вечеръ къ семьѣ де

Тьенъ. Даже въ Biarritz'ѣ m-me де Тьенъ хотѣла принимать.

Не смотря на то, что приглашеніе не было принято восторженно, все же было рѣшено пойти. Это была радость для Терезы; она предчувствовала, что встрѣтитъ тамъ Рамиро, который друженъ съ секретаремъ посольства.

M-me Соваль имѣла обыкновеніе являться поздно. Вилла де Тьенъ была совсѣмъ близко.

Всѣ приглашенные были уже въ сборѣ.

Тереза увидѣла Рамиро въ двухъ шагахъ отъ себя. Онъ поклонился, подалъ руку; только онъ собрался что-то сказать, какъ Жакъ де Тьенъ тронулъ его за плечо.

— Мой дорогой, сказалъ онъ ему, я хочу васъ попросить отъ имени m-me де Тьенъ спѣть одну изъ тѣхъ испан-

скихъ пѣсенъ, которыя вы пѣли однажды въ посольствѣ.

— О, это такъ неинтересно и я такъ плохо пою...

— И вамъ не стыдно это говорить?

Въ это время подошла m-me де Тьенъ и предложила ему аккомпанировать.

Рамиро приблизился къ роялю и началъ пѣть.

Онъ пѣлъ съ чувствомъ, не спуская глазъ съ Терезы.

Тереза смотрѣла на него.

Она обожала его.

Въ этотъ моментъ Рамиро забылъ свое честолюбіе, эгоизмъ.

Онъ былъ существомъ молодости, существомъ вѣчной страсти: любовникомъ.

Тереза была счастлива, счастлива безъ конца!..

А между тѣмъ пара другихъ глазъ

устремляется на Рамиро: это глаза маркизы de Peal.

Они ищутъ его взгляда и не встрѣчаютъ. Они замѣчаютъ, что его глаза устремились на молодую дѣвушку, слегка блѣдную, одѣтую въ бѣлое.

Пѣніе кончается, Рамиро апплодируютъ

Маркиза дѣлаетъ знакъ, Рамиро подходитъ къ ней, и садится рядомъ.

Маркиза не знаетъ Терезы Соваль, но всѣ барышни кажутся ей опасными. А эта красива и можетъ сдѣлаться супругой его.

Рамиро подымается. Маркиза недовольна, она дѣлаетъ ему сцену.

Тереза мало знакома съ свѣтскими интригами, но все видѣнное ею заставляетъ ее предполагать, что прекрасная испанка—ея соперница, любовница Рамиро.

Маркиза вышла.

Рамиро направляется къ Терезѣ, она забыла свою ревность, она снова счастлива.

Рамиро подлѣ нея. Она объята радостью.

— Наконецъ то, mademoiselle, я вижу васъ снова, шепчетъ онъ.

Фраза банальна, но что-жъ, если она чувствуетъ, что она искренна?

— Что съ вами было? прибавляетъ онъ.

Тереза слегка краснѣетъ.

— О, отвѣчаетъ она, мы рѣдко выходили по вечерамъ, такъ какъ совершали экскурсіи днемъ. Мои родные находятъ, что балы и концерты сильно утомляютъ меня. И черезъ минуту прибавила:

— Какой успѣхъ вы имѣли, какъ вамъ аплодировали!

— А вы, mademoiselle, апплодировали мнѣ?

— Нѣтъ, я не смѣла. Во французскихъ салонахъ молодыя дѣвушки не апплодируютъ.

— Это жалко, сегодня въ особенности. Онъ понизилъ голосъ.

— Сегодня вечеромъ, mademoiselle, я пѣлъ для васъ одной. Прекрасная героиня пѣсни должна была быть похожей на васъ.

— О, покраснѣла снова Тереза, я лишь миленькая француженка. Это у васъ можно найти настоящихъ красавицъ. Напримѣръ... какъ эта дама, съ которой вы говорили только что...

Фелинъ предвидѣлъ намекъ.

— Вы говорите о маркизѣ Реаль, она дѣйствительно красота Испаніи.

Но именно поэтому она производитъ большее впечатлѣніе на иностранцевъ,

чѣмъ на насъ. Мы слишкомъ привыкли къ этому типу.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Представьте себѣ въ испанскомъ салонѣ десять, двѣнадцать красавицъ, какъ маркиза; пусть войдетъ француженка, парижанка: онѣ исчезнутъ, это такъ.

Тереза слушала его восхищенная. Она, значитъ, нравится ему больше, чѣмъ эта маркиза съ ослѣпительными плечами?

— Дѣвушки, какъ вы, ошибаются, предполагая, что мы не обращаемъ на нихъ вниманія. Онѣ смущаютъ насъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Она чувствовала, что приближается объясненіе.. Она желала его, боялась его и это было прекрасно.

— Находясь подлѣ васъ, продолжалъ онъ, я страдаю, не находя словъ, чтобы дать понять молодой дѣвушкѣ (онъ смо-

трѣлъ на нее въ этотъ моментъ), что я обожаю ее, что я очарованъ ею...

— Monsieur...

— И что наконецъ я счастливъ жить для нея, если она позволяетъ это... если она соблаговолитъ позволить.

— Monsieur, я умоляю васъ..

Онъ прошепталъ:

Mademoiselle Тереза... Терезита... я люблю васъ.

И наклонившись надъ узкой длинной ручкой, онъ поцѣловалъ кончики пальцевъ.

Когда онъ поднялъ голову, то увидѣлъ предъ собою длинное сухое лицо.

Графъ Ibanez видѣлъ сцену.

IV.

Рамиро и m-r де Тьенъ прогуливаются по пляжу. Вечеръ клонится къ концу.

— Мой дорогой другъ, говоритъ Рамиро, скоро мнѣ нужна будетъ ваша дружба.

Секретарь посольства улыбнулся. Онъ догадывался. Рамиро будетъ говорить съ нимъ о Терезѣ Соваль. Рамиро продолжаетъ:

— Я очень увлеченъ дочерью вашихъ друзей. Я думаю, что могу претендовать на ея руку.

— Я не сомнѣвался въ этомъ.

— Надѣюсь, что вы считаете меня неспособнымъ добиваться руки молодой дѣвушки исключительно изъ-за денегъ, не правда ли?

— Безъ сомнѣнія, отвѣчаетъ де Тьенъ, знающій о томъ, что онъ отказался отъ милліоновъ Coucha, которая уродлива, не говоря уже о безчисленномъ множествѣ вдовъ и сомнительныхъ барышенъ.

— Прежде чѣмъ идти дальше, объявляю вамъ, что я искренно люблю m-elle Соваль и что эта любовь есть первая причина моихъ исканій.

Но не скрою и того, что я очень озабоченъ будущимъ. Я разоренъ: моя военная служба не обезпечиваетъ меня. Нужно, конечно, чтобы и графиня Рамиро была достаточно богата, чтобы достойно нести имя, которое она получитъ отъ меня.

— Я могу васъ только одобрить. Вашъ выборъ счастливый. Тереза очаровательна. Насколько я замѣтилъ, вы ей очень нравитесь.

— Да, я тоже думаю, замѣчаетъ офицеръ.

— Но вы забываете объ одномъ обстоятельствѣ...

— О какомъ?

— Маркиза...

Но побѣдитель сердецъ ужъ не думаетъ больше о своей любовницѣ. Онъ сдвинулъ брови и сухо отвѣтилъ: она согласится.

— Въ такомъ случаѣ вамъ не о чемъ мнѣ больше говорить. Я знаю, чего вы ждете отъ меня: пойти завтра къ m-r Соваль и просить у него руки дочери.

— Вы согласны?

— Это услуга, въ которой не отказываютъ галантному человѣку, отвѣ-

тилъ Жакъ де Тьенъ величественно. Вы можете разсчитывать на меня.

— Mersi, отвѣтилъ Рамиро и горячо пожалъ ему руку.

Это дѣло развлекало де Тьен'а.

Если Соваль будетъ согласенъ, герцогъ Cotamayor сдѣлаетъ оффиціальное предложеніе и все можетъ быть извѣстно до конца сезона.

На слѣдующій день де Тьенъ отправился на пляжъ, гдѣ Соваль часто гулялъ одинъ передъ обѣдомъ.

Де-Тьенъ подошелъ. Сначала онъ спросилъ о здоровьѣ дамъ.

— Онѣ гуляютъ съ m-me Dallemagne, которая была вчера у васъ на вечерѣ.

— A propos, спѣшитъ замѣтить молодой дипломатъ, позвольте мнѣ сдѣлать комплиментъ Терезѣ: она была очаровательна.

— Она очень мила, отвѣтилъ отецъ.

— Она теперь королева въ Biarritz'ѣ, дорогой monsieur Соваль.

— Полно, полно, вы смѣетесь надъ нею. Это нехорошо.

— Говорю съ вами совершенно серьезно. И по этому поводу долженъ сказать вамъ кое-что.

— Говорите, дорогое дитя.

— Дѣло въ слѣдующемъ: рѣчь идетъ объ одномъ изъ моихъ друзей... о другѣ, на котораго Тереза произвела глубокое впечатлѣніе.

— Въ самомъ дѣлѣ!

М-r Соваль сдвинулъ брови.

— Но не смотрите на то, что я сказалъ, какъ на форменное предложеніе: я не получилъ на то полномочій... я только освѣдомился...

— Въ сущности, прервалъ его m-r Соваль, вы просите руки Терезы.

— Приблизительно, отвѣтилъ Жакъ.

— И отъ имени кого? Какъ фамилія вашего друга?

— Фелинъ Рамиро. Это одинъ изъ героевъ послѣдней войны. Небогатъ, но съ большимъ именемъ и большимъ будущимъ послѣ женитьбы. Съ протекціей своего дяди, герцога Cotomayor, онъ можетъ претендовать на все.

— Мой дорогой другъ, отвѣтилъ отецъ Терезы, признаюсь, что я огорченъ. Сами посудите: положеніе: хотя никогда не было формальнаго обѣщанія, но наша дочь давно обѣщана сыну нашего друга Menessier, котораго вы знали.

— Въ самомъ дѣлѣ, я припоминаю теперь о проектѣ, но я думалъ...

— Этотъ проектъ никогда не былъ забытъ. Louis Ménessier путешествуетъ вотъ ужъ два года по своимъ дѣламъ, въ то время какъ дядя его управляетъ заводомъ, но скоро вернется. Рѣшено,

что по его пріѣздѣ наши молодые женятся.

— Простите за нескромность, но этотъ проектъ неотмѣняемъ?

— Нѣтъ, но на сторонѣ этого брака всѣ мои симпатіи. Louis уменъ, правдивъ, онъ думаетъ вѣрно, дѣйствуетъ хорошо, онъ серьезенъ и экономенъ, я знаю его съ дѣтства. Еслибы m-r Рамиро обладалъ подобными чертами, я могъ бы колебаться. Согласитесь, что у него ихъ нѣтъ. Вашъ другъ блестящъ, безъ сомнѣнія, слишкомъ блестящъ и это огорчаетъ меня...

— Онъ былъ очень строго воспитанъ. Въ арміи на него смотрѣли, какъ на рыцаря.

— Я ни минуты не сомнѣваюсь въ этомъ. Я совершенно не знаю вашего друга, а потому и не буду судить его, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не вижу особыхъ

основаній, которыя могли бы послужить разрыву съ семьей Menessier.

— Простите, что настаиваю, но прибавляю, что если въ данный моментъ положеніе Рамиро ниже другого претендента, то въ будущемъ, благодаря браку и протекціи своего дяди, онъ будетъ имѣть положеніе при дворѣ.

— О, отвѣтилъ m-r Соваль улыбаясь, я не представляю себѣ нашей маленькой Терезы при дворѣ. Она была такъ скромно воспитана. И потомъ ни мать ея, ни я не стоимъ за то, чтобы она вышла замужъ въ чужой странѣ. Это не простой эгоизмъ родителей, которымъ не хотѣлось бы ни разстаться съ дочерью, ни слѣдовать за нею. Нѣтъ, это просто недовѣріе къ бракамъ, гдѣ расы и нравы разнятся. Мы старые, неисправимые парижскіе буржуа. Что-жъ дѣлать?

— А между тѣмъ...

— Повторяю вамъ, что ничего не имѣю противъ m-r Рамиро. Я слышалъ, что онъ былъ игрокомъ, я не могъ никогда убѣдиться въ этомъ, такъ какъ самъ не играю. Но, еще разъ повторяю, что рѣчь идетъ не о немъ, а о принципѣ, вы можете ему сказать это. Да кромѣ того Тереза никого не любитъ.

— Вы думаете?

— Что вы хотите сказать?

M-r Соваль посмотрѣлъ на своего собесѣдника испытующимъ взглядомъ.

Неужели m-me Соваль была права, неужели Тереза могла увлекаться этимъ ловеласомъ, думалъ старикъ.

— Рамиро нравится Терезѣ, я въ этомъ увѣренъ, произнесъ Жакъ.

— Какъ! Онъ говорилъ съ нею? Онъ осмѣлился сказать ей, что любитъ ее?

— Онъ осмѣлился. Что же вы хотите?

Это—испанецъ. И его поступокъ доказываетъ лишь искренность его: вотъ и все. Прибавляю, что Тереза не обезкуражила его.

— Когда это случилось?

— Вчера вечеромъ, у насъ.

— Вы очень хорошо сдѣлали, мой другъ, что предупредили меня. Теперь я знаю, что мнѣ дѣлать. Когда увидите m-r Рамиро, то скажите ему, что моя дочь ужъ занята. Не говорите ему, что я считаю его поступокъ некорректнымъ. Что же касается Терезы, то я беру на себя трудъ заставить ее забыть его.

М-r де Тьенъ сдѣлалъ движеніе.

— О, успокойтесь, я не думаю наказывать ее, какъ отецъ-варваръ. Я даже не скажу ей ни слова. Но вмѣсто того, чтобы уѣхать черезъ три недѣли, мы уѣдемъ черезъ три или четыре дня. Она

больше не нуждается въ воздухѣ Biarriatz'a.

И они заговорили о другихъ вещахъ.

Вернувшись въ отель, m-r Соваль обратился къ своей женѣ:

— Мнѣ нужно говоритъ съ вами.

Онъ разсказалъ ей о своемъ разговорѣ съ де-Тьен'омъ.

— Бѣдняжка! она любитъ его! вскрикнула m-me Соваль.

Любовь, распустившаяся подлѣ нея, очаровывала ее какъ цвѣтокъ, какъ мотивъ услышаннаго романса.

— Что вы рѣшили? спросила она.

— Намъ нужно сдѣлать лишь одно: вернуться какъ можно скорѣе въ Парижъ, не давая никакихъ объясненій Терезѣ.

M-me Соваль вскрикнула съ наивной радостью:

—Вы не будете бранить ее?

— Я постараюсь этого не дѣлать. Мы

должны показать ей, что ничего не замѣчаемъ. Тѣмъ болѣе, что она просто приняла капризъ за любовь. И еслибы мы рѣшили бороться съ этимъ чувствомъ, мы превратили бы его въ страсть.

А затѣмъ прибавилъ съ улыбкой:

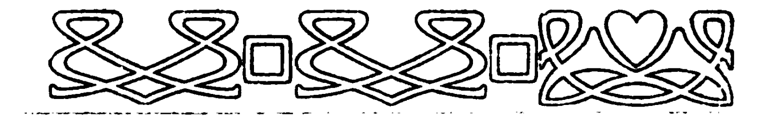
—Можно также ускорить пріѣздъ молодого Ménessier.

M-me Соваль думала о маленькомъ романѣ своей дочери, такъ быстро прекращенномъ, и у нея было желаніе плакать.

Въ этотъ моментъ появилась Тереза, въ своемъ коричневомъ платьѣ, которое къ ней такъ шло.

У нея былъ счастливый видъ. Мать любовалась ею съ минуту.

— Бѣдняжка, прошептала она.

V.

Вилла Montmorency заснула въ тишинѣ. Она окружена зеленью и стѣнами.

Внутренность очень комфортабельна. Во всемъ—строгій стиль.

Семья Соваль вернулась. Влюбленная Тереза не чувствуетъ ужъ себя, какъ дома, въ этомъ огромномъ особнякѣ. Она чувствуетъ себя одинокой, покинутой... Гдѣ Фелинъ теперь?

Дни и недѣли проходятъ однообразно. Тереза худѣетъ, блѣднѣетъ.

Въ ней начинаетъ говорить женщина.

Въ одно прекрасное утро жизнь Терезы осѣняетъ неожиданное счастье.

Два раза въ недѣлю Тереза отправляется съ miss Kitty на урокъ пѣнія. Всякій разъ она встрѣчаетъ старушку,

которая около пятнадцати лѣтъ проситъ милостыню на одномъ и томъ же мѣстѣ. Старушка всегда получаетъ отъ Терезы, которую она провожаетъ улыбкой и добрыми пожеланіями.

Такъ и сегодня. Только m-lle Соваль кажется, что улыбка старушки особенная, и въ то же время Тереза чувствуетъ въ своей рукѣ бумагу; такъ какъ воспитательница случайно отвернулась, нищая пользуется, чтобы шепнуть слѣдующее:

— Прочтите это тотчасъ, какъ будете однѣ.

„Ахъ, еслибъ это было отъ Рамиро, думаетъ она. Предположеніе глупо: Рамиро еще въ Biarritz'ѣ или уже въ полку. Но она такъ смущена, что вмѣсто того, чтобы спрятать записку за корсажъ держитъ ее въ рукѣ. Miss Kitty замѣтила. Все потеряно.

Воспитательница находитъ лишнимъ дѣлать сцену. Она беретъ Терезу подъ руку и произноситъ строго:

— Не открывайте этого письма.

- Но, miss, прошу васъ, оставьте меня.

Молодая дѣвушка быстро разрываетъ конвертъ, который падаетъ на землю и читаетъ. Это Рамиро ей пишетъ. Онъ любитъ ее попрежнему, онъ проситъ у нея свиданія...

— Я предупрежу г-на Соваль, слышится сухой голосъ гувернантки.

Тереза въ свою очередь хватаетъ руку miss Kitty:

— Miss, умоляю васъ, этотъ молодой человѣкъ... Я люблю его... онъ хочетъ жениться на мнѣ... Ахъ, если бы вы знали, если бы вы понимали!..

— Кто это?

Инстинктъ подсказываетъ влюбленной, что ея довѣріе тронетъ гувернантку, что она можетъ ей все сказать.

— Это мой знакомый изъ Biarritz'a, другъ г-на де Тьенъ, графъ Фелинъ Рамиро.

— Я сомнѣвалась...

Тереза поднимаетъ молящіе глаза. Странно: miss Kitty больше не сердится. Она скорѣе печальна.

— Бѣдняжка, шепчетъ она.

— Ахъ, говоритъ Тереза, если бы вы знали, какъ я страдаю и какъ я счастлива, между тѣмъ. Если бы вы могли понять меня, miss!

— Я васъ понимаю, мое дитя... Теперь какъ разъ тотъ мѣсяцъ, въ которомъ я потеряла моего Вилли, умершаго отъ индійской лихорадки въ полку Королевы...

А я ждала его возвращенія, чтобы

выйти замужъ... Онъ умеръ... Будьте болѣе счастливы, чѣмъ я, моя дорогая.

И минуту спустя:

— Прочтемъ его письмо вмѣстѣ. И надъ письмомъ склоняются двѣ головы.

„Дорогая Тереза, пишетъ Рамиро, это письмо должно вамъ сказать о томъ, что я въ Парижѣ, что васъ люблю, что готовъ на все, чтобы васъ побѣдить. Съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали изъ Biarritz'а, я не живу. Я былъ безъ головы два дня и думалъ о самоубійствѣ. Но вдругъ у меня явилась увѣренность въ томъ, что судьба уступитъ мнѣ въ борьбѣ и я рѣшилъ бороться.

Я поклялся, что вы будете моею, какъ я этого хочу, какъ это нужно, какъ этого хотите вы сами, я это знаю.

Я здѣсь около восьми дней; я узналъ вашъ адресъ отъ де Тьен'а. Я слѣдилъ за вами и видѣлъ, какъ два раза вы по-

давали этой старушкѣ. Ей я и далъ письмо, чтобы она передала вамъ.

Тереза, отказъ вашего отца не можетъ быть окончателенъ; когда онъ будетъ знать точно, кто человѣкъ, который смѣетъ просить вашей руки, онъ не будетъ такъ неумолимъ. Мой дядя, герцогъ Cotomayor, увѣряетъ меня въ протекціи короля, какъ только будетъ заключенъ этотъ бракъ. Имѣйте довѣріе. Чтобы я имѣлъ возможность бороться, приготовлять наше будущее счастье, не оставляйте меня безъ писемъ. Въ концѣ письма я даю вамъ адресъ отеля, въ которомъ я живу. Вы должны имѣть подругу, которой я могъ бы адресовать для васъ корреспонденцію.

Тереза прерываетъ чтеніе. Она умоляюще смотритъ на miss.

— Ахъ, miss, если бы вы хотѣли, говоритъ она.

— Что? спрашиваетъ англичанка, которая ужъ поняла.

— Быть для меня той подругой, о которой онъ пишетъ.

— Да какъ вы можете думать это, мое дитя? Какъ вы осмѣливаетесь дѣлать подобное предложеніе мнѣ, вашей воспитательницѣ? Это сумасшествіе, Тереза!

— Не сердитесь, miss, прошу васъ. Я не прошу у васъ содѣйствія въ злѣ. Нѣтъ ничего неприличнаго въ перепискѣ съ молодымъ человѣкомъ, который любитъ меня честно, который будетъ моимъ мужемъ.

— Вашъ мужъ? Но нѣтъ, такъ какъ вашъ отецъ противъ этого! Онъ самъ говоритъ это.

— Мой отецъ не будетъ препятствовать, когда онъ узнаетъ его лучше.

— Ни я, ни вы въ этомъ не увѣрены, а между тѣмъ, если я сдѣлаю то, о чемъ вы меня просите, я не оправдаю его довѣрія. А на это я не имѣю права.

— Но, miss, если я не смогу переписываться съ Рамиро, вѣдь это будетъ ужасно! какъ я несчастна!..

Тереза начинаетъ плакать.

— Неужели вы думаете, что онъ покорится, продолжаетъ Тереза. Если его доведутъ до отчаянія, онъ способенъ на неосторожность. Вы увидите, онъ будетъ меня преслѣдовать; онъ не помирится съ тѣмъ, что не сможетъ ни видѣть меня, ни писать мнѣ.

— Не думаю. Если онъ любитъ васъ, онъ съумѣетъ быть разсудительнымъ и будетъ ждать. Никакъ не могу вамъ

обѣщать содѣйствія, не могу идти противъ воли вашихъ родителей.

— Ахъ, вскрикиваетъ въ отчаяніи Тереза, у васъ никогда не было привязанности ко мнѣ!

Слезы выступаютъ на глазахъ англичанки.

— Вы не должны были упрекать меня въ этомъ, Тереза, такъ какъ васъ одну я люблю... и... воспоминаніе о моемъ бѣдномъ Вилли... Тереза беретъ ее за руку:

— Вотъ во имя этого воспоминанія я прошу васъ въ данный моментъ, miss, говоритъ она.

— Я сдѣлаю то, что вы хотите, говоритъ тихо miss Kitty, побѣжденная.

— O, mersi, miss, mersi!

Онѣ цѣлуются.

— Какъ я люблю васъ, miss! шепчетъ молодая дѣвушка.

— Нѣтъ, нѣтъ, это прекраснаго Рамиро вы любите!

— Вы мнѣ прощаете эту ложь?

— Да.

Послѣ обѣда никого нѣтъ дома.

Тереза берется за письмо.

„Мой дорогой Фелинъ!

Не могу выразить вамъ счастья, которое приноситъ мнѣ ваше письмо. Я такъ безпокоилась о васъ!.. Въ нѣкоторые моменты я считала себя забытой. Но нѣтъ, вы все оставляете ради меня... Вы любите меня, такъ какъ вы здѣсь. О, мой другъ, какъ сладко быть любимой!..“

Она останавливается и краснѣетъ Схвативъ письмо его, она прикладывается губами къ подписи и ей кажется, что это не бездушная бумага, а лицо Рамиро.

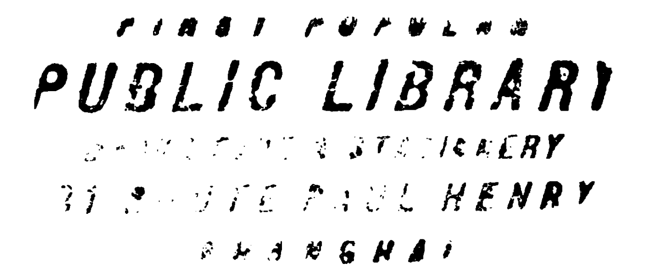
Тереза снова принимается за письмо;

„Да, любите меня, пишетъ она, любите меня, такъ какъ я ужъ много страдала изъ-за васъ...“

Она написала безъ стыда: „Я люблю васъ!„

„Пишите мнѣ въ двойныхъ конвертахъ на имя miss Kitty Traney. Она передастъ мнѣ письма. До свиданія. Вы—вѣчно въ моихъ мысляхъ“.

Не колеблясь, подписываетъ она все имя: Тереза Соваль. Заклеивъ конвертъ она быстро суетъ его въ корсажъ и спѣшитъ къ miss Kitty, которая обѣщала снести его на почту.

VI.

Маркиза de Реаль гуляетъ въ своемъ саду. Воскресенье. Конецъ ноября. Здѣсь еще осень. Сегодня маркиза очень опечалена. Рамиро уѣхалъ въ Парижъ. Съ нѣкотораго времени ему приходится часто покидать ее. Теперь онъ снова во Франціи.

Она чувствуетъ, что онъ избѣгаетъ ее. Безъ сомнѣнія, онъ устраиваетъ теперь свою жизнь безъ нея.

Что онъ дѣлаетъ? что приготовляетъ онъ противъ ихъ любви? Маркиза de Реаль испытываетъ глухое безпокойство. Теперь рѣшался вопросъ ея жизни. Если бы это было пятью годами раньше, а теперь ей ужъ тридцать лѣтъ... Те-

перь не только Фелинъ ее оставляетъ, теперь и любовь оставляетъ ее...

А между тѣмъ маркиза еще красива. Она особенно хороша въ трауръ.

Слышатся шаги въ аллеѣ.

Она поднимаетъ голову: это графъ Ibanez.

Опять онъ!

Она протягиваетъ машинально руку, которую онъ цѣлуетъ.

Маркиза ненавидитъ его, во-первыхъ потому, что онъ былъ другомъ ея мужа. Съ нимъ связаны воспоминанія о ея прежнемъ бракѣ. Она мститъ ему за мужа.

Несчастный Ibanez! У него видъ рыцаря и поэта.

Его жизнь —это безконечное страданіе любви.

Но женщины не любятъ, чтобы ихъ любили существа, которыя антипатичны имъ.

Маркиза de Реаль не можетъ простить графу его любовь. Онъ знаетъ это и любитъ ее еще больше.

Его любовь и отвращеніе маркизы растутъ въ одинаковой степени.

— Хотите войти въ бесѣдку? говоритъ она ему. Довольно прохладно.

Они входятъ въ зимній садъ и усаживаются среди цвѣтовъ.

Нѣкоторое время она молчитъ, очень блѣдная.

— Вы страдаете? спрашиваетъ Ibanez.

— Да.

Присутствіе графа скоро превращаетъ страданіе маркизы въ гнѣвъ.

Графъ колеблется моментъ и наконецъ спрашиваетъ:

— Это онъ?

— Да, это онъ.

— Онъ обращается со мною какъ съ женщиной, которую хотятъ бросить.

Всего три недѣли, какъ я видѣла его... а теперь онъ ужъ въ Парижѣ. Можно было бы сказать, что онъ хочетъ научить меня жить одной...

Она кусаетъ губы до крови. Она находитъ это горе неизбѣжнымъ.

— Онъ что-то приготовляетъ противъ меня. Но что?.. Бракъ, это ясно.

Въ то время, какъ она шепчетъ послѣднія слова, ея взглядъ встрѣчается со взглядомъ графа, въ которомъ она читаетъ радость.

— Графъ, приказываетъ она сурово, посмотрите на меня.

Онъ слушается.

— Вы что-то скрываете отъ меня.

Я приказываю вамъ говорить.

— Увѣряю васъ...

— Ахъ, прошу васъ, не лгите! Я ужъ достаточно изнервничалась, вы это ви-

дите, я требую правды! Скажите все, что знаете изъ проектовъ Рамиро.

Графъ блѣднѣетъ.

— Но я ничего не знаю, повторяю вамъ.

— Вы скажете, наконецъ?

— Хорошо, говоритъ онъ съ усиліемъ. Въ то время, какъ мы были въ Biarritz'ѣ, тамъ была одна барышня, mademoiselle Соваль... И мнѣ казалось, что Рамиро обращалъ на нее вниманіе...

— Да, я припоминаю... Эта глупенькая, на которую онъ смотрѣлъ втеченіе цѣлаго вечера у de Тьенъ, не боясь сдѣлать мое положеніе смѣшнымъ. Я иначе и не думала, я знала — что его забавляетъ видѣть мою ревность.

—Развѣ онъ ухаживалъ за ней?

— Я не видѣлъ его съ вечера у de Тьенъ.

— А въ тотъ вечеръ?

— Онъ цѣловалъ ее руку въ тотъ моментъ, когда я ихъ увидѣлъ; онъ казался взволнованнымъ—она смущенной. Они производили впечатлѣніе влюбленныхъ, Впрочемъ, быть можетъ, я ошибаюсь, прибавилъ онъ, такъ какъ Марія de Реаль блѣднѣла, слушая его, — сжимая руки.

— Впрочемъ, должно быть и нѣтъ ни чего серьезнаго, такъ-какъ семья не получила отъ него никакого предложенія; Соваль уѣхали нѣсколько дней спустя.—

— Наоборотъ, прервала она, онъ, должно быть, говорилъ съ ними и они уѣхали, не желая этого брака.

Они были правы.

И послѣ краткаго молчанія она прибавила:

— Ахъ! я увѣрена, онъ любитъ ее!

Онъ любитъ ее, и онъ ее найдетъ! Кто эти Соваль?

— Семья магистрата, уважаемая и богатая.

— Богатая? Понимаю...

И она опустила голову, какъ бы краснѣя за Рамиро.

Графъ слѣдилъ за выраженіемъ ея лица.

— Это еще ничего, прошептала она. —Вы мнѣ говорили, что онъ казался влюбленнымъ, не правда-ли?

— Да, въ самомъ дѣлѣ мнѣ это казалось, но, быть можетъ, я слишкомъ преувеличилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ вы хорошо видѣли, онъ любитъ ее, хотя и не безкорыстно, онъ любитъ ее... Эта молодая парижанка новый плодъ для него.

Ахъ, какъ я ихъ ненавижу обоихъ!

—Я разбита, сказала она, простите, я хотѣла-бы остаться одна...

Онъ поклонился, поцѣловалъ ея холодную руку и, болѣе побѣжденный и огорченный, чѣмъ она, не смѣя смотрѣть на нее—вышелъ...

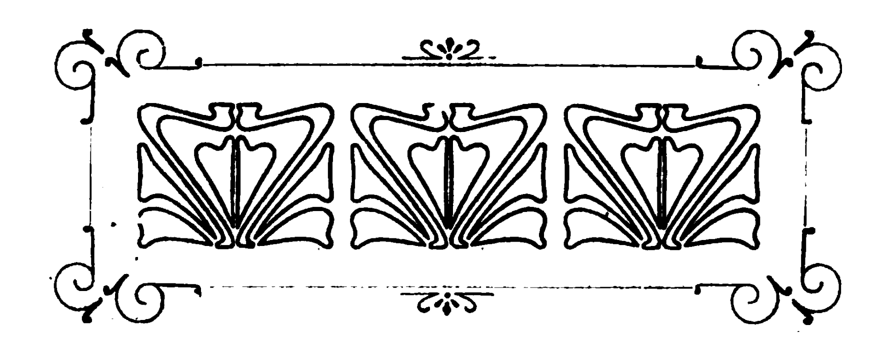
Маркиза начинаетъ шагать, она хочетъ бѣжать за Фелиномъ, стать между нимъ и ею, убить его. Ничто не можетъ удержать ее: она свободна. Страданія ея оскорбленной гордости кричатъ громче, чѣмъ человѣческое уваженіе.

Въ этой испанской душѣ больше всего затронута гордость. Маркиза принуждена сознаться, что побѣждена ничтожной дѣвочкой безъ имени, безъ происхожденія и, какъ думаетъ она, безъ красоты.

Она желаетъ смерти Рамиро, смерти Терезы и своей.

Зачѣмъ нѣтъ ничего правдиваго, ничто не стоитъ ни любви, ни гнѣва. Маркиза останавливается и, утомленная, медленно опускается въ кресла.

Вдали слышится меланхоличный звонъ колоколовъ.

XII.

Рамиро ждетъ маркизу de Реаль.

Онъ оставилъ отель и поселился въ своей квартирѣ.

На столѣ лежитъ скомканное письмо маркизы. Она не ограничивается оскорбленіями по адресу Рамиро, она задѣваетъ и Терезу.

Сначала Рамиро хотѣлось бросить письмо въ огонь, но потомъ онъ раздумалъ.

Онъ будетъ мстить.

Раздался звонокъ. Это маркиза. Она енспала всю ночь, она и теперь въ

ужасномъ отчаяніи. Не отвѣчая на поклонъ денщика Рамиро, который ей открылъ, она спѣшитъ въ рабочій кабинетъ, гдѣ находится Фелинъ, съ усиліемъ сдерживая свой гнѣвъ.

Взгляды двухъ противниковъ встрѣчаются.

— Марія, произноситъ глухой голосъ Рамиро, вы съ ума сходите?

Она не отвѣчаетъ.

— Ваше письмо, прибавляетъ онъ, указывая на письмо, лежащее на столѣ. Знаете ли вы, что вы сдѣлали, написавъ мнѣ это?

— Да, отвѣчаетъ она.

— Вы разбили послѣднія узы, которыя связывали меня съ вами:

Вы уничтожили жалость.

— Жалость? Твою жалость ко мнѣ? Жалость любителя приключеній къ

маркизѣ de Реаль? Послушай, Фелинъ, ты смѣшишь меня.

Она смѣется.

— Вы никогда меня больше не увидите, продолжаетъ холодно Рамиро. Женщина, оскорбившая мою невѣсту, не переступитъ этого порога.

— Что ты сказалъ? Твою невѣсту!.. Она снова смѣется.

Рамиро сдерживаетъ себя, чтобы не ударить ея. Но она успокаивается, дѣлаетъ шагъ къ нему.

— Послушай меня, произноситъ она. Ты не женишься на m-lle Терезѣ Соваль.

— Я запрещаю вамъ называть ея имя.

— Тебѣ нечего запрещать мнѣ. Ты не женишься на m-lle Соваль, говорю я тебѣ. Уже сегодня ея родители, будутъ знать о томъ, что ты видишься съ нею тайкомъ, благодаря ея почтен-

ной воспитательницѣ. Они будутъ предупреждены о томъ, что ты—человѣкъ, который не останавливается ни предъ чѣмъ, чтобы достигнуть своей цѣли.

— Несчастная!

Гнѣвъ Рамиро непритворный.

Тереза для него еще свята.

— Соваль выгонитъ соблазнителя ихъ дочери, а презрѣніе товарищей не дастъ возможности оставаться въ арміи, лейтенантъ Рамиро.

— Я не боюсь ни васъ, ни ихъ.

— Слова! Слушай, Рамиро, ты потерялъ меня. Я жила спокойно съ мужемъ, быть можетъ даже счастливо. Ты пришелъ и отнялъ у меня это спокойствіе, а съ нимъ и положеніе въ свѣтѣ, мою честь. Ты сдѣлалъ меня вдовою и благодаря тебѣ это вдовство должно остаться вѣчнымъ. Я не упрекаю тебя ни въ чемъ, я любила тебя, я люблю тебя

еще, несчастное тщеславное существо, которое никогда не умѣло понять меня, которое не заслужило меня. И вотъ, когда добиваются всего этого просьбами, угрозами, самыми ужасными обольщеніями,—не бросаютъ эту женщину.

— Ты—подлецъ. Слышишь, Рамиро, ты—подлецъ.

— Ты замолчишь, наконецъ!

Онъ схватываетъ ее за плечо.

— Лгунья, лгунья, повторяетъ онъ. И ты осмѣливаешься жаловаться? Я обольстилъ тебя? Вспомни хорошенько. Ты ненавидѣла своего мужа, вѣчно больного, подозрительнаго и хотѣла бы видѣть его мертвымъ. Но ты должна была выносить его, такъ какъ, несмотря на твою красоту, никто не хотѣлъ рисковать быть твоимъ любовникомъ. Реал'я боялись многіе. Знали, что онъ умѣетъ мстить. Я, я не боялся. Ты очаровала

меня. Весь Мадридъ зналъ о нашей связи, такъ какъ ты сама не скрывала этого. Ты удалила меня отъ моей семьи и теперь меня еще обвиняешь! Кто виноватъ больше изъ насъ? Это я былъ твоей добычей.

— Ты не женишься, Фелинъ! Слышишь?

Рамиро безумствуетъ. Еслибы у него было оружіе, онъ убилъ бы эту женщину. Онъ схватываетъ ее за руку и отталкиваетъ. Маркиза рыдаетъ, зарывъ лицо въ подушки дивана.

Рамиро видитъ лишь растрепанные волосы и вздрагивающія плечи.

— Марія, Марія! зоветъ онъ.

Онъ подходитъ къ ней, поднимаетъ ея голову и цѣлуетъ ее.

— Если-бы ты хотѣла, шепчетъ онъ, не все еще было бы кончено.

— Что ты хочешь сказать?

Она не смѣетъ понять, онъ не смѣетъ объяснить.

— Не противься проэкту... шепчетъ онъ, необходимой эволюціи... Я буду помнить прошлое... Всегда... Понимаешь?

Маркизу мучатъ сомнѣнія. Искрененъ ли онъ?

Утомленная, она вздыхаетъ.

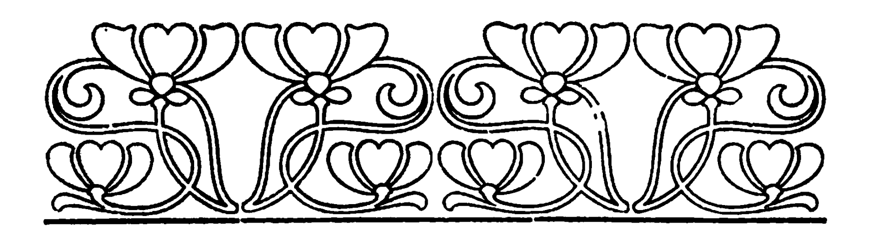
— Я уѣду завтра утромъ, шепчетъ она.

Онъ долго цѣлуетъ ее.

Съ опущенными глазами она выходитъ,

На площадкѣ Рамиро низко кланяется, она не отвѣчаетъ. Спѣша, она спускается съ лѣстницы и покидаетъ этотъ домъ.

Рамиро, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, закуриваетъ сигару.

VII

Тереза Соваль и ея воспитательница гуляютъ въ одной изъ уединенныхъ аллей Булонскаго лѣса.

Съ ними Рамиро.

Тереза какъ бы во снѣ. Она ли это, дочь строгихъ Соваль?

Сколько событій въ двѣ, три недѣли! Рамиро нашелъ ее, написалъ, она отвѣтила, а теперь принимаетъ свиданія.

— Тереза?

— Что, мой другъ?

— Я люблю васъ.

— Это неправда, говоритъ она смѣясь.

— Я обожаю васъ.

Бѣдная miss! Она тоже удивлена тѣмъ, что ее заставляютъ дѣлать.

— Какъ я счастливъ, мы опять вмѣстѣ, шепчетъ Рамиро, беря Терезу за руку. Я больше ничего не боюсь, ничего не опасаюсь.

— Не говорите этого Фелинъ, мы должны еще быть очень осторожны.

— У насъ любятъ безъ предосторожностей. Нужно сдѣлаться влюбленной испанкой, Терезита.

— Думаю, что не смогу.

— Хорошо, оставайтесь такой, какъ вы есть, мое маленькое дитя.

Онъ наклоняется надъ ней, цѣлуя волосы на затылкѣ.

— О, Фелинъ, Фелинъ, вздыхаетъ она тихо. Это нехорошо. Вы—безумны.

И повернувъ голову, она замѣчаетъ:

— Кто эта женщина въ черномъ, которая такъ смотритъ на насъ?

— Не знаю, отвѣчаетъ съ твердостью Рамиро. Женщина все тамъ же. Быстрымъ движеніемъ она приподнимаетъ вуаль.

Рамиро узнаетъ маркизу de Реаль.

— Рамиро, произноситъ взволнованно Тереза. Больше никогда мы не прійдемъ сюда. Кто эта женщина?

— Это женщина, которая любила меня тамъ, въ Испаніи, очень давно.

— Вы ее тоже любили, безъ сомнѣнія?

— Нѣтъ.

— Это правда?

— Клянусь вамъ.

Тереза молчитъ нѣсколько минутъ. Слова возлюбленнаго уничтожаютъ подозрѣнія.

— Но мы здѣсь больше не будемъ

встрѣчаться, замѣчаетъ она, дрожа. Я боюсь.

— Пусть такъ. Успокойся, дорогая. Мы будемъ встрѣчаться въ другомъ мѣстѣ. Предоставьте все мнѣ.

— Будьте осторожны, Фелинъ.

Когда молодая дѣвушка возвращается домой, она еще больше взволнована, ея чувство къ Рамиро еще сильнѣе.

Что касается Рамиро, то онъ въ бѣшенствѣ изъ-за себя, изъ-за маркизы. Онъ, значитъ, не умѣлъ ее усмирить... Ему приходитъ мысль убить ее.

Невольно взоръ его падаетъ на письмо. Конвертъ написанъ почеркомъ маркизы.

Рамиро разрываетъ конвертъ:

„Рамиро, ты смѣялся надо мною, пишетъ она. Я увѣрена въ этомъ. Никогда я не прощу тебѣ. Врагъ или любовница, я всегда вѣрна. Твой бракъ не состоится“.

Фелинъ кусаетъ себѣ губы до крови. Онъ сильно блѣденъ.

Но онъ понимаетъ, что долженъ думать теперь больше о Терезѣ, чѣмъ о маркизѣ. Молодая дѣвушка должна какъ можно скорѣе забыть о сегодняшней встрѣчѣ.

Не долго думая, онъ пишетъ:

„Будьте завтра дома. Не бойтесь. Я люблю васъ.

Фелинъ".

* * *

— Онъ придетъ, шепчетъ Тереза, прочитавъ письмо. Что онъ скажетъ мнѣ?

Вдругъ она вздрагиваетъ: сегодня вечеромъ ея не будетъ дома. Она приглашена съ родителями къ знакомымъ три дня тому назадъ.

Но Тереза рѣшаетъ заболѣть и увѣряетъ мать, что сонъ снова вернетъ ей

здоровье, а ей совѣтуетъ уйти. Тереза свободна. Ея родители ушли.

Быстро спрыгиваетъ она съ постели, причесывается, одѣвается.

Бьетъ десять часовъ.

Быть можетъ онъ не придетъ?

Эта мысль убиваетъ ее.

Но вотъ немного песку, брошеннаго въ стекло, выводятъ ее изъ задумчивости. Она подбѣгаетъ къ окну, открываетъ его.

Рамиро внизу.

— Моя возлюбленная, шепчетъ онъ, блѣднѣя.

— Какая неосторожность!

— Какъ вы очаровательны въ вашемъ пеньюарѣ. Но вамъ должно быть холодно; еслибы я былъ подлѣ васъ я согрѣлъ бы васъ своими поцѣлуями.

— Но мы съ ума сошли! Мои родные могутъ вернуться, насъ увидятъ...

— Вы боитесь? А я, я былъ бы счастливъ умереть подлѣ васъ, изъ-за васъ, немного для васъ!

— Это правда?

— Клянусь вамъ...

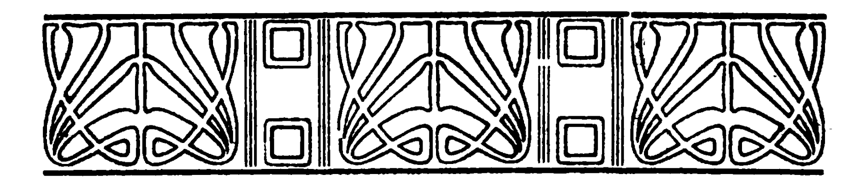
Вдругъ слышится шумъ. Открыли калитку. Это родители Терезы.

— Уходите скорѣе, шепчетъ молодая дѣвушка.

— До свиданья, моя возлюбленная!

Съ легкостью тигра онъ достигаетъ стѣны и черезъ минуту Рамиро ужъ на улицѣ.

Тереза спѣшитъ лечь.

IX.

Тереза и Рамиро видѣлись такимъ образомъ нѣсколько разъ.

Жизнь Терезы раздвоилась. Теперь въ ней живутъ два существа.

Родители ея ничего не подозрѣваютъ. Они увѣрены въ томъ, что дочь давно ужъ освободилась отъ неизбѣжнаго чувства, свойственнаго всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ.

Они ждутъ теперь съ спокойствіемъ возвращенія m-er Mènessier и дня обрученія.

А между тѣмъ Тереза переживаетъ большую драму. Она считаетъ себя виновной въ своей любви. Часто душу ея

мучаетъ совѣсть. Вѣдь это она въ полночь открывала окно, чтобы слушать слова, которыя ласкали и пѣли. Ахъ, какъ это прекрасно! Она забывала все, когда Рамиро былъ подлѣ нея. Лишь по уходѣ его начинались сомнѣнія.

Они оба были въ опасности, но испанецъ такъ очаровалъ ее, что, ослѣпленная своею любовью, она ничего не боялась.

Ее пугала лишь встрѣча съ женщиной, которую она видѣла въ Булонскомъ лѣсу. Она боялась свиданій въ этомъ лѣсу и предпочитала встрѣчаться ночью въ саду.

Что касается Рамиро, то онъ забрасывалъ Терезу письмами и ужъ не разъ швейцару пришлось удивляться обильному количеству корреспонденціи, получаемой на имя Miss Kitty.

. . . .

Ночь. Сильный морозъ. По знаку Ра-

миро молодая дѣвушка открыла окно. Ночной воздухъ леденитъ и жжетъ ея лицо.

— Тереза!.. шепчетъ страстный голосъ. Ради Бога примите меня у себя!

Рамиро у нея, въ полночь! M-lle Соваль не отвѣчаетъ, ее охватываетъ страхъ.

— Мнѣ холодно! продолжаетъ голосъ.

Ужасъ влюбленной проходитъ.

Теперь она испытываетъ жалость, она не хочетъ, чтобы онъ умеръ изъ-за того, что ей шепчетъ голосъ стыда.

— Какъ вы войдете? спрашиваетъ она.

— О, это очень легко.

Быстрымъ движеніемъ Рамиро вытягиваетъ изъ кармана веревку.

— Прикрѣпите ее къ перекладинѣ окна, шепчетъ онъ и бросаетъ одинъ конецъ Терезѣ. Еще нѣсколько моментовъ и Рамиро въ окнѣ.

— Терезита! Дорогая!

Онъ обнимаетъ хрупкія плечи, покрываетъ ее поцѣлуями.

Она въ опьяненіи. Она помнитъ лишь объ одномъ—въ ея комнатѣ мужчина—Рамиро.

Теперь онъ цѣлуетъ ее въ губы.

— Уйдите, шепчетъ она. Я боюсь.

Онъ нагнулся надъ ней, хочетъ успокоить ее, еще цѣловать.

— Нѣтъ, говоритъ она, умоляю васъ, уйдите!

— Я слушаюсь васъ, я ухожу, такъ какъ вы этого требуете. Какой вы ребенокъ, Терезита!

— До свиданія, говоритъ она.

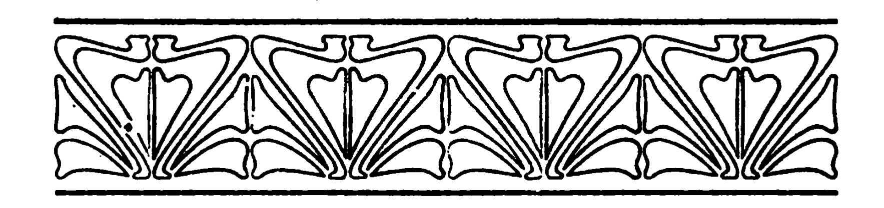
— До свиданія, шепчетъ онъ и направляется къ окну. Еще минута и его нѣтъ.

Тихо возвращается она къ постели и вмѣсто того, чтобы уснуть, шагаетъ

потому, что Фелинъ ушелъ, потому, что она позволила ему уйти.

Она засыпаетъ только къ утру. Въ 9 часовъ утра мать входитъ въ ея комнату.

— Лѣнтяйка, говоритъ она улыбаясь, я сейчасъ разбужу тебя пріятной новостью: Louis Ménessier объявляетъ намъ свой пріѣздъ... Что это? Слезы! Глупенькая дѣвочка!

X

Louis Ménessier, долго путешествовавшій, извѣщаетъ m-r Соваль о своемъ пріѣздѣ.

M-me Соваль взволнована. Она знаетъ, что извѣстіе о пріѣздѣ жениха, который намѣревается занять мѣсто въ ея семьѣ, должно огорчить Терезу.

— Полно, дорогая, полно, говорила она, цѣлуя волосы дочери.

Тереза плакала на плечѣ m-me Соваль. Въ это время вошелъ m-r Соваль.

— Посмотри, на эту дѣвочку, я сказала ей, что пріѣзжаетъ Louis, а она плачетъ.

Тереза почувствовала нѣмой упрекъ отца и вздрогнула.

Но m-r Соваль ничего не замѣтилъ.

Онъ былъ увѣренъ, что она плачетъ отъ радости по случаю пріѣзда Louis.

Но въ этотъ моментъ было столько злобы въ душѣ Терезы противъ Ménessier!

Оставшись одна, Тереза поспѣшила въ свою комнату и написала Рамиро:

— Дорогой возлюбленный, я очень несчастна. У меня большое горе. Не знаю какъ вамъ объяснить... Я думала, что я свободна, я ошибалась».

Прочтя, и найдя эту записку несуразной, она написала вторую:

— Помогите мнѣ, умоляю васъ, мой дорогой Рамиро, поддержите меня, я очень несчастна... Она разрыдалась.

Вошла Misz Kitty.

— Что съ вами, дорогое дитя? спросила взволнованная гувернантка.

— Нужно пойти къ Рамиро, отвѣтила Тереза, нужно ему сказать отъ моего имени...

— Мнѣ, мнѣ пойти къ этому молодому человѣку, но вы съ ума сошли, это невозможно!

— Умоляю васъ miss, неужели я должна просить васъ на колѣняхъ?

— Нѣтъ это невозможно!

— Если вы откажете, я съ ума сойду. Совѣтуйте ему быть осторожнымъ, больше не приходить сюда.

— Какъ не приходить сюда?

— Да, онъ былъ здѣсь въ саду нѣсколько разъ ночью. Я говорила съ нимъ изъ окна; почему вы смотрите на меня такъ miss Kitty?

Вѣдь вы знаете, что я его такъ люблю, что онъ мой женихъ?

— И вы осмѣлились, Тереза?

— Да я осмѣлилась. Вы видите, что нужно съ нимъ поговорить, и предупредить его не приходить сюда. Скоро прiѣдетъ и m-me Mènessier и жизнь измѣнится въ домѣ.

— Я пойду, говоритъ miss Kitty; я скажу ему, что нужно быть осторожнымъ, что вы не можете итти противъ воли отца, что онъ долженъ покориться.

— Скажите ему, прервала Тереза, что я, несмотря на все, сумѣю остаться ему вѣрной; что если отецъ откажется теперь, то я подожду до тѣхъ поръ, пока ничто не помѣшаетъ нашей любви.

Скажите ему это все, miss, иначе я сама пойду къ нему.

— Когда вы пойдете, спросила она безпокойно.

— Сейчасъ. Мнѣ такъ бы хотѣлось покончить со всѣмъ этимъ.

Она вышла.

Въ сильномъ волненіи Тереза ждетъ прихода гувернантки.

— Ну что, вы его видѣли? спросила она, когда та вернулась.

— Да, я его видѣла, ахъ, бѣдная Тереза, онъ васъ, любитъ вашъ Рамиро.

Когда я ему объявила новость, онъ поблѣднѣлъ, какъ будто еслибы его ранили.

— Дорогой мой!

— Скажите ей, чтобы она мужалась, сказалъ онъ, чтобы она вѣрила мнѣ. Герцогъ дѣлаетъ все возможное. Черезъ двѣ недѣли, быть можетъ, важный сановникъ будетъ просить м-г Соваль руку его дочери. Все устроится.

Все, что пугало только что Терезу показалось ей легкимъ. Сомнѣваться въ Рамиро теперь казалось ей преступнымъ.

Черезъ нѣсколько минутъ по возвра-

щеніи Miss Kitty, въ комнату вошла горничная и объявила, что завтракъ поданъ.

Тереза спустилась въ столовую.

— Вотъ наша маленькая невѣста, замѣтилъ м-r Соваль.

— Крошка моя, прибавила м-me Соваль. Miss Kitty не знаетъ новости, скажите ей, обратилась она къ мужу.

— Сообщаю вамъ нашу радость, дорогая Miss, началъ послѣдній. Тереза скоро выйдетъ замужъ; это старый проэктъ, который теперь реализуется... къ нашему удовольствію.

Онъ остановился. Гувернантка и ея ученица переглянулись. Онъ рѣшилъ, что понялъ ихъ.

— Вамъ обѣимъ тяжело разстаться, прибавилъ онъ. Что же дѣлать? Намъ тоже тяжело разстаться съ нашей дочерью, но это—необходимо для ея сча-

стья. Впрочемъ, если вы хотите, можно устроить иначе...

M-me Соваль поняла мужа.

— Да, miss, вы сможете остаться со мною, какъ dame de compagnie и это дастъ вамъ возможность видѣться съ Терезой всякій разъ, какъ она пріѣдетъ сюда.

Miss Kitty была смущена. Она молчала.

— Вы принимаете это? спросилъ M-r Соваль.

— Принимаю, прошептала она съ усиліемъ.

— Прекрасно. А теперь приступимъ къ завтраку.

Послѣ завтрака Тереза осталась съ матерью.

— Что съ тобою, дорогая, неужели твое счастье дѣлаетъ тебя такой грустной?

Тереза разрыдалась.

М-me Соваль растерялась. Она бывала всегда такъ безпомощна въ отсутствіи мужа.

— Послушай, обратилась она къ дочери, если въ этомъ бракѣ есть что-нибудь огорчающее тебя, скажи мнѣ. Вѣдь я—твоя мать. Ты можешь сказать мнѣ все, Тереза.

Тереза была такъ слаба въ этотъ моментъ, что готова была разсказать все. Ей такъ хотѣлось крикнуть:

„Я не хочу его. Я люблю Рамиро, только его одного!“

Но въ этотъ моментъ ей представилось строгое лицо М-r Соваль.

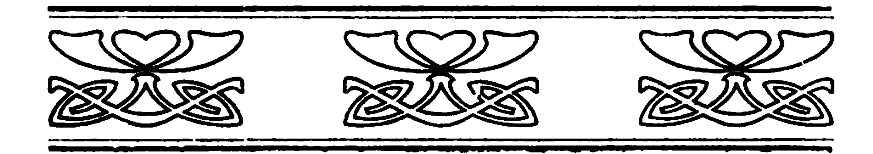
Ее охватилъ страхъ.

„Нѣтъ еще“, подумала она.

Она постаралась улыбнуться и отвѣтила:

— Ничего, все ужъ прошло.

Лицо матери прояснилось.

XI.

На слѣдующій день M-me Ménessier раньше чѣмъ устроиться въ городѣ, сдѣлала визитъ Соваль.

Всегда эта вдова производила на Терезу непріятное впечатлѣніе.

Такъ и теперь, съ перваго поцѣлуя, съ перваго слова, съ которымъ она обратилась къ Терезѣ, молодая дѣвушка почувствовала страхъ и отвращеніе.

— Надѣюсь, дорогой другъ, говорила M-me Соваль гостьѣ, что вы доставите удовольствіе и останетесь какъ можно дольше у насъ. Вилла очень велика и вы намъ окажете услугу, принявъ наше гостепріимство...

Вдова разсыпалась въ благодарностяхъ.

— А Louis? спросилъ м-г Соваль.

-- Louis будетъ въ Парижѣ завтра вечеромъ. Его дѣловыя поѣздки такъ сложны!

Тереза вздрогнула. Завтра, уже завтра?

А она еще ничего не придумала, ничего не сказала! Она упрекала себя въ томъ, что раньше не созналась во всемъ, что не написала Рамиро:

„Расчитывайте на меня. Я поговорю съ отцомъ и скоро, скоро буду свободна.“

И думая обо всемъ этомъ, она умирала отъ стыда.

Когда Тереза поднялась къ себѣ, то застала письмо Рамиро:

„Тереза, писалъ онъ ей, я очень безпокоюсь. Почему вы не пишете мнѣ?

Что долженъ я думать? Неужели вы покорились? Но я справедливъ. Зная, что не стою васъ, не могу упрекать васъ. Только, если это такъ, не оставляйте меня долго въ сомнѣніи: я страдалъ достаточно: отвѣтьте мнѣ.

Рамиро“.

„Онъ презираетъ меня, подумала Тереза. Я не хочу этого!

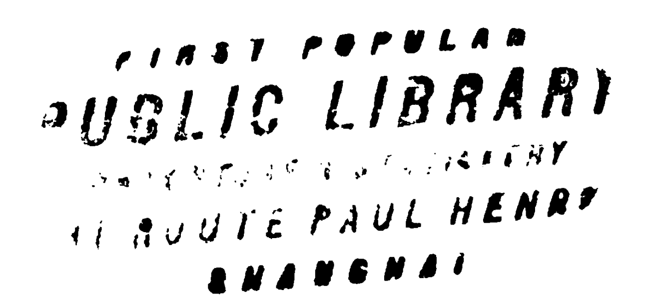
Она взяла перо и написала:

„Мой другъ, я люблю васъ. Вѣрьте мнѣ, клянусь вамъ, что завтра все будетъ порвано или же я буду мертва“...

Смерть? Но почему же нѣтъ?

Мысль о смерти немного успокоила ее.

Вечеромъ, лежа въ постели, она вдругъ подумала о томъ, что вмѣсто того чтобы говорить съ отцомъ, она все откроетъ Louis Ménessier.

Но утромъ, вставъ, она снова почувствовала свое безсиліе.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу, шептала она.

Вошла м-me Соваль.

— Ты такъ блѣдна, что съ тобою?

— Я плохо спала.

— Это пріѣздъ Louis тебя такъ волнуетъ?

— Прошу васъ, мама, не говорите мнѣ объ этомъ!

— Въ этомъ нѣтъ ничего стыднаго. Возвращается твой женихъ и ты взволнована. Это такъ естественно. Но только не нужно всетаки плакать!

Не успѣла Тереза окончить своего туалета, какъ услышала звонокъ.

— Это вѣроятно Louis Ménessier!

И въ самомъ дѣлѣ это былъ онъ.

Подойдя къ окну, Тереза увидѣла у калитки молодого человѣка блондина,

одѣтаго съ изысканной элегантностью; она узнала его: онъ почти не измѣнился.

— Тереза, Тереза, позвалъ м-г Соваль, спустись внизъ!

Тереза не заставила себя долго ждать.

Она сошла къ своему жениху, попрежнему корректному и улыбающемуся.

— Я счастливъ васъ видѣть, услышала она.

Онъ не любилъ ее, она боялась его. Индиферентность ихъ чувствовалась во всемъ. Это была пошлая встрѣча свѣтскихъ обрученныхъ.

За завтракомъ Louis Ménessier передавалъ свои впечатлѣнія путешествій.

M-r и m-me Соваль слушали его, проникнутые глубокимъ уваженіемъ.

Молодой человѣкъ, казалось, вошелъ уже въ семью.

Тереза чувствовала, что участь ея рѣшена, что все ужъ пропало.

„Я буду говорить съ нимъ, говорила она себѣ. Сейчасъ я устрою такъ, что мы останемся вдвоемъ. Я скоро съ ума сойду, если буду молчать“.

Послѣ завтрака всѣ вышли въ садъ. Случайно Louis и Тереза остались позади.

— Louis, произнесла Тереза дрожащимъ голосомъ, мнѣ нужно съ вами переговорить кое-о-чемъ. Я принуждена доставить вамъ непріятность. Простите меня. Я не могу поступить иначе.

Но Louis не были знакомы сильныя волненія. Онъ замѣтилъ спокойно:

— Вы меня очень удивляете, Тереза, но какую непріятность могли бы доставить мнѣ вы, такая очаровательная? Увѣряю васъ, что ничего не понимаю. Я слушаю васъ.

— Это... это по поводу нашей свадьбы.

— Какъ? Что вы говорите?

На этотъ разъ онъ какъ бы обезпокоился.

— Этотъ бракъ немыслимъ, продолжала она. Louis, вы слышите, я не могу выйти за васъ замужъ.

— Рѣшительно не могу васъ понять, замѣтилъ онъ леденящимъ тономъ,—въ чемъ дѣло?

— Рѣчь идетъ объ очень важномъ, отвѣтила Тереза, блѣднѣя.

— Вы любите кого-нибудь?

— Да, я люблю, люблю человѣка, который обожаетъ меня, которому я хочу остаться вѣрной всю мою жизнь.

— Это сумасшествіе...

— Я это прекрасно знаю... Louis, еще разъ прошу простить меня. Я оскорбляю васъ и этимъ даю вамъ право ненавидѣть меня.

— Я, ничуть, произнесъ онъ презрительно. Я только удивленъ.

— Да, вы ненавидите меня, и я заслуживаю это. А между тѣмъ, увѣряю васъ, что я не виновата. Мнѣ девятнадцать лѣтъ, Louis. Вы знаете, что всегда я была предоставлена себѣ самой, у меня было много времени для того, чтобы мечтать... А вы не знаете, какъ опасно мечтать такъ...

— Согласенъ, я не знаю этого. Я работалъ, занимался, путешествовалъ. Должно быть я былъ неправъ, такъ какъ вы предпочли мнѣ другого.

— Нѣтъ, Louis, это вы были правы, вы—лучшій изъ насъ двухъ. Но что вы хотите, если мы никогда не видѣлись, вы не писали мнѣ, вполнѣ естественно, что я отвыкла отъ васъ.

Какъ это случилось? Я не знаю. Нельзя опредѣлить никогда момента, когда мы перестаемъ думать о комъ-нибудь; отсут-

ствіе дѣлало свое дѣло. Но когда я встрѣтила Рамиро...

Она остановилась, замѣтивъ свою неосторожность. Но имя соперника было безразлично Louis.

— Когда я встрѣтила его, снова продолжала она, мое сердце было свободно. Меня любили, я любила. Вы понимаете?

— Да, вы мнѣ достаточно сказали. Благодарю васъ за то, что вы такъ откровенны. Вы были жестоки и хорошо дѣлали. Теперь я знаю, что не существую для васъ, что никогда не существовалъ.

Онъ не могъ скрыть своей досады. Онъ сознавалъ, что теряетъ многое.

— Простите меня, Louis, я не хотѣла васъ оскорбить. Скажу вамъ лишь одно: сжальтесь надо мной. Я слишкомъ несчастна, Louis, умоляю васъ, помогите мнѣ, спасите меня.

— Какъ такъ? спросилъ онъ сухо.

Она смутилась еще больше.

— Я никогда не смогу открыть правду моему отцу. Никогда! Это невозможно! Видите ли, Louis, разрывъ не долженъ исходить отъ меня.

— А что же вы хотите?

— Онъ долженъ исходить... отъ васъ... прошептала она, рыдая.

— Но вы съ ума сошли!

— Louis, умоляю васъ...

— Какъ? Вы уничтожаете всѣ мои проекты и этого еще мало вамъ? Вы хотите еще чтобы я былъ виновенъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, вы ошибаетесь. Я не объ этомъ прошу васъ. Придумайте какое-нибудь средство... Скажите, что васъ вызываютъ въ Англію телеграммой и не возвращайтесь ранѣе одного или двухъ мѣсяцевъ. Въ это время я постараюсь собраться съ силами

и открыть все отцу. Помогите мнѣ выиграть время, вотъ все, о чемъ я прошу васъ...

— Нѣтъ, я не сдѣлаю того, что вы ждете отъ меня.

Тереза вздрогнула.

— Почему?

— Во-первыхъ потому, что не хочу огорчать вашихъ родителей, которыхъ люблю, а во-вторыхъ потому, что я не герой и не дуракъ. Вы принадлежите мнѣ, Тереза; теперь слишкомъ поздно разсуждать.

Онъ поклялся, что она никому принадлежать не будетъ.

— Не хочу, я не хочу выйти замужъ за васъ, Louis! Дѣлайте, что хотите!..

— Увидимъ.

Они остановились, оба дрожа отъ волненія.

— Ну что, влюбленные, послышался голосъ m-r Соваль, пора войти.

— Мнѣ необходимо перёговорить съ вами, m-r Соваль, замѣтилъ Louis Mé-nessier.

Говоря это, онъ посмотрѣлъ на Терезу, которая поблѣднѣла.

— Пожалуйста, дорогой другъ, а это развѣ такъ спѣшно?

— Очень.

— Вь такомъ случаѣ пойдемъ въ мой кабинетъ.

Когца Louis Mènessier разсказалъ все m-r Соваль, послѣднiй замѣтилъ:

— Объяснила ли она тебѣ причину своего отказа?

— Да, monsieur...

Соваль схватилъ его за руку.

— Что же это за причина?

— У нея чувство къ другому.

— Подожди, не прибавляй ни одного

слова. Ты можешь сказать мнѣ остальное только лишь въ ея присутствіи. Я хочу, чтобы она была здѣсь, когда ты будешь, я хочу смотрѣть на нее, когда она будетъ тебя слушать.

— Это будетъ ей больно, отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Тѣмъ хуже для нея, сказалъ грубо м-г Соваль.

И, оставивъ руку Louis, онъ прикоснулся къ кнопкѣ звонка.

— Скажите m-elle Терезѣ, чтобы она пришла сейчасъ же сюда, обратился онъ къ входящему слугѣ.

Черезъ минуту послѣдній вернулся смущенный.

— M-elle Тереза плохо чувствуетъ себя; m-me проситъ м-г немного подождать.

M-r Соваль стукнулъ кулакомъ по столу.

— Скажите m-me Соваль, что необходимо, чтобы Тереза пришла и чтобы она пришла одна.

Слуга поспѣшилъ въ салонъ. Тамъ онъ нашелъ молодую дѣвушку близкую къ обмороку и двухъ дамъ подлѣ нея.

— M-r сказалъ, что онъ не можетъ больше ждать. Необходимо, чтобы m-elle пришла тотчасъ-же.

Безконечный ужасъ изобразился на лицѣ мученицы.

— Я иду, произнесла она спокойно. И она поднялась, шатаясь.

— Но въ чемъ дѣло, спросила m-me Ménessier.

— Не знаю, отвѣтила слабымъ голосомъ m-me Соваль.

Обѣ онѣ инстинктивно ждали катастрофы.

Тереза между тѣмъ медленно входила въ кабинетъ.

— Отецъ, прошептала она, отецъ, простите меня.

Она подняла глаза на него и сейчасъ же снова опустила ихъ. Лицо Соваль было преисполнено строгости. Онъ смотрѣлъ ни нее одинъ моментъ молчаливо, какъ бы желая вырвать признаніе изъ ея души.

— Знаешь ли ты, что Louis мнѣ только что сказалъ?

Она не могла отвѣтить.

— Ты не хочешь выйти замужъ за него?

— Нѣтъ, мой отецъ, слабо прошептала она.

— Почему?

— Я люблю...

— Этого господина, который ухаживалъ за тобой въ Biaritz'ѣ, безъ сомнѣнія, этого иностранца графа Рамиро?

— Да, мой отецъ, онъ меня любитъ, я обожаю его.

Гнѣвъ блеснулъ въ глазахъ m-r Соваль.

— Такъ знай же,—я запрещаю тебѣ любить его. Вотъ и все.

— Слишкомъ поздно.

— Что ты хочешь сказать?

— Нѣсколько минутъ тому назадъ я пересталъ быть женихомъ m-elle Соваль и не имѣю права слушать дальнѣйшій разговоръ. Позвольте мнѣ уйти, произнесъ Louis.

— Нѣтъ, Louis, убѣдительно произнесла Тереза, вы не уйдете такъ. Я не хочу, чтобы вы меня оставили, думая обо мнѣ то, что никто не долженъ думать. Слышите вы! Да, я люблю графа Рамиро и онъ заслуживаетъ этого; между нами были лишь клятвы и одинъ поцѣ-

луй, только одинъ. Этотъ поцѣлуй, эти клятвы я получила здѣсь. Вы слышите?

— Она съ ума сошла, вскрикнулъ Соваль дико. Когда, какъ онъ могъ придти сюда, этотъ несчастный?

— Ночью, нѣсколько разъ, поднимаясь по стѣнѣ.

— Несчастная, прошипѣлъ m-r Соваль, поднявъ кулакъ.

Тереза въ безсиліи опустилась на стулъ.

— Отецъ мой и вы, выслушайте меня, посмотрите на меня хорошо и вы увидите, что мнѣ нужно вѣрить. Я скомпрометирована навсегда тѣмъ, кто рисковалъ для меня жизнью. И никто, если не онъ, не женится теперь на мнѣ!

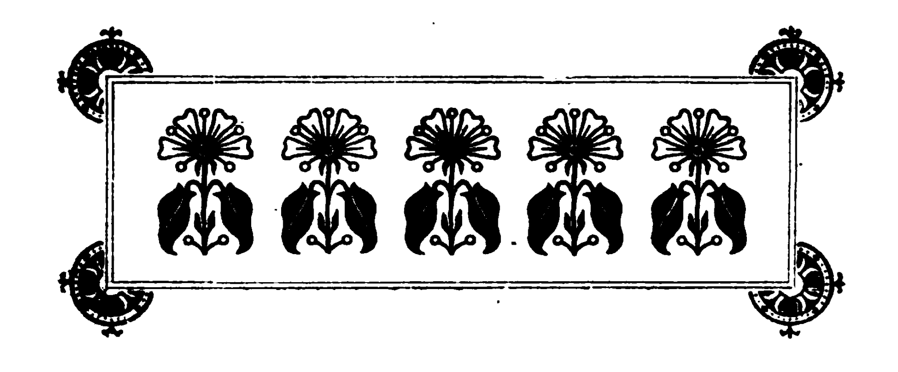
Тереза упала въ обморокъ,

— Простите, мое дитя, произнесъ m-r Соваль, обращаясь къ Louis.

— Займитесь ею, отвѣтилъ холодно послѣдній.

M-r Соваль позвонилъ.

— Пойдите за мадамъ, сказалъ онъ слугѣ. Mademoiselle плохо.

XII.

Рамиро одинъ. Безпокойство сводитъ его съ ума. Онъ не получилъ сегодня письма отъ Терезы, а между тѣмъ онъ такъ ждалъ его! Что дѣлаетъ теперь Тереза? Что она рѣшила?

Найдетъ ли она въ себѣ достаточно силы чтобы защититься?

Ахъ, еслибы онъ могъ дать ей немного своей дикой энергіи, превратить ее хоть на нѣсколько минутъ въ испанку, похожую на маркизу de Реаль!

Звонятъ.

Рамиро открываетъ самъ. Онъ видитъ

предъ собой маркизу, о которой думалъ нѣсколько секундъ тому назадъ.

Онъ пораженъ.

Никогда еще она не была такъ прекрасна.

Она молчитъ, но лицо ея говоритъ о томъ, что она ликуетъ, что она несетъ съ собою непріятныя новости.

Рамиро взволнованъ,

— Зачѣмъ вы пришли сюда, спрашиваетъ онъ неувѣреннымъ голосомъ.

Она улыбается.

— Твой пріемъ не ласковъ, Рамиро. Но это ничего не значитъ, я не обижаюсь, я довольна и чувствую себя расположенной къ снисхожденію. Зачѣмъ я пришла сюда? О, ты скоро узнаешь.

Она медленно входитъ, шурша платьемъ. Смѣлостью дышетъ вся ея фигура, походка, жесты, голосъ.

Рамиро дрожитъ. Что случилось, почему она такъ весела?

Не ожидая приглашенія, она садится на диванъ,

Онъ стоитъ. Сердце его сильно бьется. Что она скажетъ ему? Онъ боится всего. Но онъ не спроситъ ее. Гордость его не позволяетъ ему этого сдѣлать.

Маркиза долго смотритъ на него и наконецъ произноситъ спокойнымъ голосомъ:

— Ты забылъ меня, Рамиро. Но я не перестала думать о тебѣ и доказательство...

Она дѣлаетъ паузу, въ то время какъ онъ невольно склонился надъ ней.

— Доказательство то, что я приношу тебѣ свѣдѣнія о Терезѣ... и о твоей женитьбѣ...

Мучимый любопытствомъ, Рамиро шепчетъ:

— Говорите, что случилось?

Въ то время, какъ онъ наклоняется, она протягиваетъ къ нему свою прекрасную блѣдную голову. Ея ротъ и глаза совсѣмъ близки къ нему.

Она произноситъ:

— Ты не женишься. Тереза умираетъ.

— Ты лжешь! Это неправда!

— Я получила свѣдѣнія отъ священника, набожнаго человѣка, но болтуна. Я сблизилась съ нимъ подъ предлогомъ благотворительности. Онъ разсказываетъ мнѣ все, что меня интересуетъ. Первый женихъ пріѣхалъ вчера къ Соваль; между отцомъ и дочерью была ужасная сцена, потому что Тереза заявила молодому человѣку, что она отказываетъ ему и что хочетъ остаться

вѣрной тебѣ. Поздравляю тебя, Рамиро, ты внушаешь страсти.

— Она сильно больна?

— Даже больше, она вѣроятно умиретъ. Сердечный припадокъ... Видишь ли, она очень чувствительна.

— Несчастная, ты смѣешься!

— Твоя невѣста умираетъ, Фелипъ, слышишь? Это ты ее убилъ..

Она поднялась и направляется къ двери. Прежде чѣмъ выйти, она оборачивается, смотритъ Рамиро прямо въ глаза и съ своей страшной улыбкой говоритъ ему:

— Я не позволю теперь себѣ обманывать тебя, Рамиро. Твоя новая любовница умираетъ!

— Собака!

Онъ схватилъ револьверъ, лежавшій на столѣ и бросилъ въ нее.

Она оборачивается.

— Я была права, когда говорила, что

ты разбойникъ, произноситъ она холодно.

Маркиза открываетъ дверь, медленно выходитъ и закрываетъ ее за собою. Рамиро опускается въ кресло. Онъ плачетъ, какъ ребенокъ, побѣжденный окончательно.

XIII

Въ концѣ мая 19.. года по дорогѣ которая ведетъ къ Pierrefonds медленно шли двѣ женщины. Это были мать и дочь.

Походка матери болѣе увѣренная Видно, что молодая дѣвушка была долго больна. Въ ея походкѣ видна неувѣренность. Ея лицо блѣдно, но видно, что солнечные лучи дѣйствуютъ на нее благотворно.

Тереза Соваль сегодня утромъ дѣлаетъ первую прогулку съ своей матерью.

M-me Соваль, сопровождая дочь, испытываетъ тихую радость. Она успокоена, но не увѣрена еще. Она такъ

боялась за свое дитя. Она не смѣетъ быть вполнѣ счастливой.

Когда Тереза упала въ обморокъ предъ отцомъ, думали, что она мертва. Ее подняли на кровать. Она долго не приходила въ себя.

Первый день былъ ужасенъ. Супруги Соваль не покидали изголовья дочери ни на одну минуту. Больше страдалъ отецъ, втайнѣ сознавая, что онъ—убійца дочери. Неужели же онъ долженъ былъ такъ поплатиться, только потому, что хотѣлъ сдержать слово, данное Mènessier, быть честнымъ человѣкомъ? Въ глазахъ своей жены Соваль читалъ печальный упрекъ. Онъ чувствовалъ, что жена судила его въ первый разъ.

Но онъ не сердился на нее: онъ взялъ руку m-me Соваль и тихо прошепталъ:

— Ты думаешь, что это моя вина, не правда ли?

M-me Соваль тихо всхлипнула и опустила голову на грудь супруга.

— Прости меня, тихо прошепталъ онъ.

Это было такъ неожиданно для m-me Соваль, что она подумала: „онъ, значитъ, считаетъ ее погибшей, если такъ обвиняетъ себя“.

И она разрыдалась.

— Моя бѣдная Марія... простоналъ онъ. Это моя вина, моя вина.

— Нѣтъ, мой другъ, это моя. Она продолжала:

— Я не умѣла быть матерью. У меня никогда не было достаточно иниціативы въ нашей семейной жизни; я никогда не осмѣливалась имѣть что-нибудь противъ твоей воли, мнѣнія, противнаго твоему. Я виновна. Во всемъ я слуша-

лась тебя и я виновата. Ты видишь, къ чему это насъ привело.

— Марія!

— Да, Адріенъ, я понимаю, ты страдаешь. А я, я ничего не сумѣла предвидѣть, ничего устроить.., Если... если она умретъ, то это я буду наиболѣе несчастна... и наиболѣе виновна.

— Замолчи, замолчи, не произноси этого слова! Я не хочу, чтобы она умерла!

— Ты не хочешь!..

Тереза блѣдная спала.

— Не правда ли, продолжала она, если Тереза не умретъ, ты согласишься...

— Да, отвѣтилъ онъ.

Нѣкоторое время спустя, врачъ заявилъ, что есть надежда на выздоровленіе. Но нервы Терезы были еще очень слабы и долгое время m-r Соваль долженъ былъ отказываться отъ посѣщенія дочери.

Шесть недѣль спустя, врачъ сказалъ:

— M-lle Соваль необходимо было бы испытать неожиданную радость, она должна испытать ощущеніе неожиданнаго счастья.

— Я понялъ васъ, докторъ.

Когда врачъ ушелъ, она спросила m-r Соваль.

— Быть можетъ, ей нужно сказать все?

— Да, попробуй.

Тереза, поднявшаяся сегодня впервые, снова легла. Солнце садилось. Въ дѣвичью комнату тихо вползали сумерки.

— Тереза! сказала вполголоса m-me Соваль, взявъ нѣжно руку дочери.

— Въ чемъ дѣло, мама?

— Я должна сообщить тебѣ кое-что, что доставитъ тебѣ удовольствіе, большое удовольствіе...

— О, ужъ ничего больше не достав-

ляетъ мнѣ удовольствія, вы это хорошо знаете.

— Ты бы не говорила такъ, если-бы знала, о чемъ рѣчь идетъ, моя дорогая. Послушай... Я говорила съ твоимъ отцомъ...

— Съ отцомъ?.. Я боюсь... Въ чемъ дѣло?..

Въ ожиданіи отвѣта, она приподнялась, вся дрожа, и инстинктивно поднесла руку къ сердцу.

— Не волнуйся такъ, моя дорогая, ты будешь довольна, очень довольна. Твой отецъ любитъ тебя, онъ хочетъ, что бы ты была счастлива...

Ты понимаешь?..

— Ахъ, мама, прошу васъ, говорите скорѣе... Онъ согласенъ... чтобы... я вышла за... Рамиро? Это невозможно... Это невозможно... Обѣщайте мнѣ по крайней мѣрѣ, что онъ не будетъ тре-

бовать, чтобы я вышла за другого...

M-me Соваль наклонилась надъ дочерью, смотря на нее съ безконечной лаской.

— Дитя мое, ты выйдешь за Рамиро... вѣдь ты любишь его...

Тереза ничего не отвѣтила; мать и дочь обнялись, плача. Радость, находившаяся въ сердцѣ молодой дѣвушки, рвалась изъ него, желая вылиться въ крикъ, рыданіе.

— Скажите отцу, чтобы онъ пришелъ: мнѣ бы хотѣлось поцѣловать его.

По знаку, сдѣланному женой, m-r Соваль пришелъ изъ сосѣдней комнаты: взволнованный, какъ и она, онъ наклонился въ свою очередь надъ кроватью Терезы.

— Отецъ, сказала молодая дѣвушка, я огорчила васъ. Я ослушалась. Простите меня.

— О, мое дорогое дитя!

И m-r Соваль, впервые нѣжный къ дочери, поцѣловалъ ее.

Въ первый разъ эти три существа, жившія вмѣстѣ, имѣли одну мысль, одну душу.

* * *

Недѣлю спустя Рамиро сидѣлъ на диванѣ въ своемъ кабинетѣ, предавшись думамъ. Онъ былъ въ отчаяніи.

Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ онъ ничего не зналъ о Терезѣ. Самъ онъ не осмѣливался подойти къ виллѣ Montmorency, чтобы освѣдомиться о ея здоровьи у швейцара; нужно было бы сказать свое имя, дать визитную карточку. Его терзало ужасное невѣдѣніе.

Онъ зналъ, что Тереза опасно больна и спрашивалъ себя, выдержитъ ли она такое долгое испытаніе?

При мысли, что Тереза могла уме-

реть, что она, быть можетъ, близка къ этому, онъ чувствовалъ себя близкимъ къ умопомѣшательству.

Онъ чувствовалъ, что разбивались всѣ его мечты...

Онъ любилъ эту дѣвушку такъ, какъ онъ могъ любить. Она была наиболѣе драгоцѣнной его побѣдой.

Думая о томъ, что она можетъ исчезнуть навсегда, онъ страдалъ, онъ возмущался.

Вдругъ онъ вздрогнулъ; постучали въ дверь.

— Вотъ господинъ, который хочетъ васъ видѣть, сказалъ слуга.

— Какъ его фамилія?

— M-r Жакъ de Тьенъ.

Рамиро взволновался.

— Просите войти.

Вошелъ Жакъ de Тьенъ.

— Здравствуйте, дорогой, обратился

онъ къ Рамиро. Вы меня не ждали, могу биться объ закладъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ.

— Я очарованъ тѣмъ, что вижу васъ снова.

И онъ усадилъ его рядомъ съ собою на диванѣ.

— Тѣмъ болѣе, продолжалъ онъ дрожащимъ голосомъ, что вы сможете сообщить мнѣ свѣдѣнія о..—о томъ, кто мнѣ внушаетъ мучительное безпокойство,..

— О m-lle Терезѣ Соваль? Успокойтесь, она чувствуетъ себя гораздо лучше.

— Ахъ, вскрикнулъ Рамиро, и радость блеснула въ его глазахъ.

— Да, вотъ ужъ недѣля, какъ она чувствуетъ себя гораздо лучше. Чтобы она могла совсѣмъ поправиться, родители увезли ее въ деревню. Но это не все...

— Радуйтесь, мой другъ. Вамъ повезло въ любви и счастьи.

Мнѣ поручено, какъ дипломату, передать новость, которая доставитъ вамъ удовольствіе. Что касается меня, то я взялъ на себя это порученіе съ большой радостью...

— Объясните! Не смѣю думать, что понимаю васъ, это было бы слишкомъ прекрасно...

— Вы понимаете меня. Предложеніе, которое я сдѣлалъ за васъ m-r Соваль въ Biarritz'ѣ, было отвергнуто, но офиціальное предложеніе, сдѣланное вами, встрѣтитъ хорошій пріемъ, ручаюсь вамъ за это.

— Merci, дорогой другъ, merci...

— Вчера я пріѣхалъ на двѣ недѣли въ Парижъ. Тотчасъ же я отправился къ Соваль. Я говорилъ съ отцомъ, m-lle Соваль любитъ васъ, она чуть не умерла

отъ этой любви; отецъ ея хочетъ, чтобы она жила и была счастлива съ вами. Онъ поручилъ мнѣ привезти васъ, чтобы вы могли сдѣлать предложеніе. Вы можете привезти цвѣты. Мы поѣдемъ завтра утромъ съ первымъ поѣздомъ.

— О merci, большое merci за ваше вниманіе, дорогой Жакъ. Значитъ вы видѣли ее?

— Да, мой другъ. Она еще слаба, но интереснѣе, благодаря своей томности. Еслибы вы видѣли ея глаза, когда она меня благодарила за то, что я согласился взять на себя трудъ помочь вамъ обоимъ въ вашей любви!..

Гордая радость изобразилась на лицѣ Рамиро. Онъ торжествовалъ.

Маркиза не безпокоила его больше; она уѣхала, увѣренная въ томъ, что Тереза умретъ.

Какъ только молодая дѣвушка выздоровѣетъ, можно будетъ отпраздновать въ Парижѣ свадьбу, затѣмъ Рамиро отправится съ женою въ Мадридъ, представитъ ее во дворѣ и займетъ постъ, обѣщанный ему дядей, герцогомъ Cotomayor.

Чего онъ могъ еще опасаться теперь?

На слѣдующій день друзья отправились съ первымъ поѣздомъ.

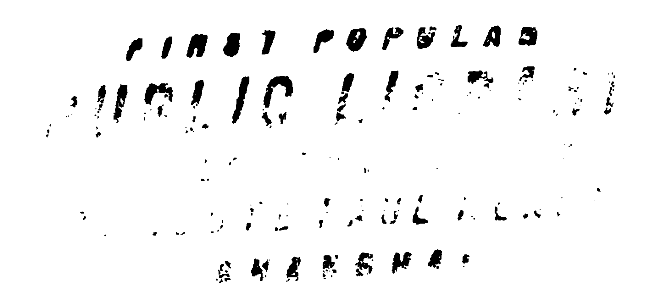
Въ гостиной ихъ встрѣтилъ m-r Соваль.

— Здравствуй, дорогой Жакъ, обратился онъ къ de Тьену и, обратившись къ Рамиро, прибавилъ:

— Monsieur, вы желанный гость. Присядемъ. Я поговорю съ вами, пока мы одни.

И онъ обратился къ Рамиро:

— Monsieur, когда въ прошломъ году въ Biarritz'ѣ m-r de Тьенъ сообщилъ мнѣ о вашихъ намѣреніяхъ и чувствахъ,

я могъ дать вамъ одинъ отвѣтъ, тотъ, который онъ передалъ вамъ. Я зналъ, что связанъ словомъ съ молодымъ человѣкомъ, который былъ другомъ дѣтства моей дочери и на котораго обѣ семьи смотрѣли, какъ на ея жениха. Какъ видите, морально я не былъ свободенъ и не могъ принять предложенія, сдѣланнаго вами. Необходима была особенная, важная причина, которая не существовала раньше, но которая существуетъ теперь...

Все это онъ сказалъ съ удивительнымъ спокойствіемъ.

Теперь осталась болѣе трудная часть объясненія: необходимо было признаться этому незнакомцу въ чувствахъ Терезы къ нему.

— Дочь моя любитъ васъ, monsieur, произнесъ онъ съ трудомъ. Ея мать и я только ее одну имѣемъ и желаемъ ея

счастья. Сегодня я спрашиваю васъ, остались ли ваши намѣренія тѣми же?..

Сердце Рамиро было полно гордости и любви.

Онъ достигъ того, что такъ долго ждалъ.

И въ голосѣ его слышалось мужество, когда онъ отвѣтилъ:

— Monsieur, я счастливъ просить руки m-lle Соваль и если вы согласны, то я клянусь сдѣлать вашу дочь счастливой.

M-r Соваль посмотрѣлъ на него. Лицо Рамиро дышало искренностью.

„Онъ любитъ ее, подумалъ онъ, и это уже половина счастья. И, обратившись къ Рамиро, онъ сказалъ:

— Monsieur, даю вамъ слово.

Оба пожали другъ другу руки.

Наступило молчаніе.

Жакъ прервалъ его, спросивъ о здоровьѣ m-me Соваль и Терезы.

— Онѣ пошли гулять, должны скоро вернуться, отвѣтилъ m-r Соваль, но если вы хотите, мы можемъ пойти имъ навстрѣчу.

— Конечно, замѣтилъ поспѣшно Фелинъ.

— И такимъ образомъ, продолжалъ m-r Соваль, Тереза, увидѣвъ васъ съ нами, пойметъ, что все ужъ устроено. Я предпочитаю, чтобы она узнала такъ, ибо сильныя волненія еще опасны для нея, даже волненія радости.

— Она чувствуетъ себя лучше? спросилъ заботливо Рамиро.

— Да, но она такъ слаба!

Они вышли и направились по дорогѣ, которая вела къ прудамъ Saint-Peirre.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ Рамиро увидѣлъ двѣ женскія фигуры, это были m-me Соваль и ея дочь.

Онъ вздрогнулъ.

Тереза вскрикнула и поспѣшно направилась къ нимъ.

Молодой дѣвушкѣ кажется, что она во снѣ: ея отецъ приводитъ ей жениха!

Тихое спокойствіе объяло ея душу, Рамиро, раньше чѣмъ взять руку Терезы, привѣтствуетъ m-me Соваль.

Онъ читаетъ въ ея глазахъ:

„Мы даемъ вамъ нашу дочь, любите ее, заботьтесь о ней, продолжайте нашу работу. Вы отвѣчаете за ея счастье!

— Madame... произноситъ Рамиро и въ голосѣ его слышится клятва.

Подошелъ m-r Соваль. Онъ взялъ руку Терезы и положилъ въ руку Рамиро.

— Мы будемъ любить другъ друга вѣчно, тихо шепчетъ голосъ молодого человѣка.

— Вѣчно, повторяетъ молодая дѣвушка.

— Теперь вернемся, говоритъ глядя на нихъ съ улыбкой m-r Соваль.

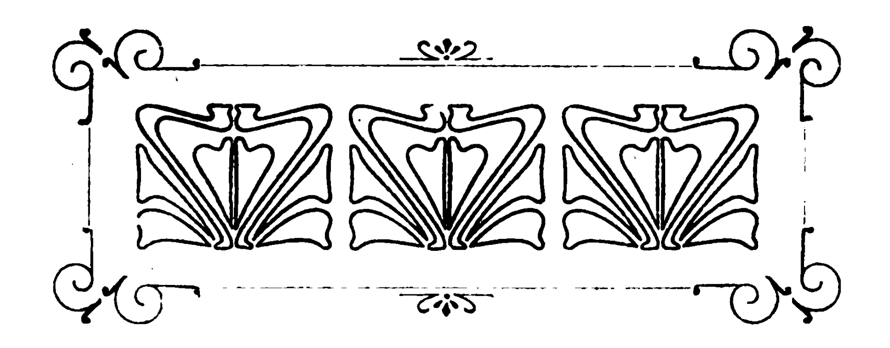
Основалась новая семья, двѣ жизни соединились навсегда.

Соваль имѣютъ сына.

Не достаетъ miss Kitty. Она взяла отпускъ на мѣсяцъ, такъ какъ отправилась къ своей сестрѣ въ Ирландію.

Медленно они направляются къ виллѣ. Музыка счастья раздается въ душѣ молодой дѣвушки.

Никогда еще она не чувствовала себя такой счастливой.

XIV.

Въ роскошномъ саду, наполненномъ цвѣтами, сидѣли Рамиро и Тереза.

— Почему вы не хотите, чтобы наша свадьба была здѣсь? спрашиваетъ онъ ее. Здѣсь настоящій рай земной. Тереза, я люблю васъ такъ давно, мнѣ бы такъ хотѣлось быть съ вами вмѣстѣ. Развѣ вы не такая, какъ я? Скажите, хотите, чтобы мы были счастливы сейчасъ? Ваши родные навѣрное согласились бы.

Лицо Фелина дѣйствительно выражаетъ влюбленную нетерпѣливость, о которой онъ говоритъ.

Ожиданіе теперь невыносимо для него.

И это правда.

Не только жажда счастья заставляетъ спѣшить его, онъ чувствуетъ опасность, не забывая о существованіи маркизы.

Въ то время какъ она тамъ, въ Испаніи, увѣренная въ томъ, что проекты Рамиро погибли,—нужно обезпечить будущее, которому она не могла бы больше вредить.

Женившись, онъ будетъ увѣренъ въ чувствѣ жены, поддержкѣ семьи и благосклонности двора; онъ будетъ достаточно силенъ, чтобы бороться съ своимъ врагомъ...

Молодая дѣвушка капризничаетъ.

— Нѣтъ, Фелинъ, нѣтъ, не мѣшайте мнѣ реализовать мою мечту; послушайте меня по крайней мѣрѣ въ этомъ, такъ какъ потомъ ужъ мнѣ прійдется слу-

шаться васъ. Моя мечта, и я ужъ говорила вамъ это, вѣнчаться въ Испаніи, какъ еслибы вы похитили меня. Быть можетъ это ребячество, но я такъ хочу. Вы не будете болѣе строги, чѣмъ мои родители; они соглашаются на все, что я хочу.

Вѣдь я еще не совсѣмъ здорова, ну вотъ и нужно исполнять мои капризы. Хотите?

Она положила руку на его плечо. Рамиро цѣлуетъ ея пальцы.

— Васъ будутъ слушаться, синьорита.

И онъ улыбается. Тереза любитъ его, ему нечего опасаться.

Однажды утромъ получается письмо отъ герцога Cotomayor.

Рамиро причисленъ ко двору будущей королевы Mercédes.

Сіяя гордостью, онъ показываетъ письмо m-r Соваль.

Тихій огонекъ радости блеснулъ въ глазахъ Терезы.

— Она красива, не правда ли, будущая королева? спрашиваетъ онг своего жениха.

— Очень красива и король Донъ Альфонсъ сильно влюбленъ: это бракъ по любви.

Тереза задумывается.

— Дорогой, говоритъ она своимъ ласковымъ голосомъ, мы поженимся тамъ тогда же, когда и они.

— Но, вскрикиваетъ Фелинъ огорченный, королевская свадьба состоится только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Подумали ли вы объ этомъ, Тереза?

— А что, замѣчаетъ она кокетливо, развѣ вы не подождете меня еще нѣсколько мѣсяцевъ?

— Впрочемъ, прерываетъ m-me Соваль, ты недостаточно сильна, мое дитя, тебѣ нужно будетъ привыкнуть тамъ.

— Въ Мадридѣ плохо осенью.

— Поэтому и нужно будетъ отправиться туда гораздо позже.

M-me Соваль хочется оттянуть моментъ ихъ разлуки. Рѣшено, что родители проводятъ дочь въ Мадридъ; что они часто будутъ навѣщать ее, и что, наконецъ, графъ и графиня будутъ пріѣзжать въ Парижъ.

Однажды утромъ Рамиро говоритъ m-r Соваль:

— Только что я получилъ письмо отъ дяди, герцога Cotomayor; онъ долженъ пріѣхать въ Парижъ и хочетъ сдѣлать вамъ визитъ. Онъ проситъ меня объяснить свой пріѣздъ.

— Отвѣтьте ему, что ждемъ съ нетерпѣніемъ чести принять его у насъ

что онъ сдѣлалъ бы намъ большое удовольствіе, оставшись погостить у насъ нѣскольно дней въ деревнѣ.

— О, не думаю, чтобы онъ могъ это сдѣлать, такъ какъ имѣетъ лишь нѣсколько дней, для того, чтобы осмотрѣть выставку, отчетъ по которой онъ представитъ королю.

Мы сможемъ отправиться туда съ нимъ. Тереза еще не видѣла его и достаточно хорошо себя чувствуетъ, чтобы доставить себѣ это удовольствіе.

— Что ты скажешь объ этомъ, Тереза? спросилъ m-r Соваль.

— О, отецъ, очень охотно..

Нѣсколько дней спустя герцогъ Сotomayor посѣтилъ Соваль.

— Я пріѣхалъ, сказалъ онъ, здороваясь съ m-r Соваль, поблагодарить васъ за честь, которую оказали вы моему племяннику, принявъ его въ вашу семью.

M·r Соваль отвѣтилъ:

— Вашъ племянникъ любитъ мою дочь; я убѣжденъ, что онъ достоинъ ея. Я такъ же счастливъ ихъ браку, какъ и вы.

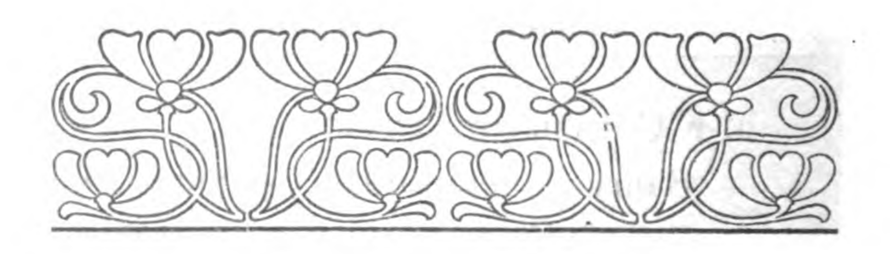
Герцогъ снова пожалъ его руку.

Произошло соединенiе двухъ семей.

На порогѣ дома появилась m-me Соваль.

Онъ поцѣловалъ ей руку.

Герцогъ былъ величественъ и милъ.

XV.

Въ началѣ августа выставка въ полномъ разгарѣ.

Среди гуляющихъ можно видѣть группу изъ пяти лицъ: супруговъ Соваль и ихъ дочери, ея жениха и герцога Cotomayor.

Тереза счастлива. Рамиро подлѣ нея, любящій, заботливый. Вдругъ Тереза остановилась, поблѣднѣла, и схвативъ руку жениха, вскрикнула:

— Фелинъ!

Къ нимъ приближается пара: это графъ и прекрасная Маркиза de Реаль.

Она смотритъ на Рамиро, нахально улыбаясь:

— Трусъ! говоритъ она спокойно.

Поблѣднѣвъ, молодой человѣкъ приближается. Она поднимаетъ руку. Фелинъ схватываетъ эту руку. Герцогъ Cotomayor и графъ Ibanez спѣшатъ разъединить ихъ.

Собирается публика.

Рамиро отталкиваетъ маркизу, и взявъ за руку Терезу, спѣшитъ увести ее.

Раньше, чѣмъ удалиться, онъ кричитъ графу Ibanez:

— Monsieur, вы сопровождаете эту даму: вы отвѣтите за ея слова.

— Конечно! Отвѣчаетъ сухой голосъ. Вотъ моя карточка.

Онъ бросаетъ ее Рамиро.

Фелинъ шепчетъ:

— Эта женщина! Эта женщина! Она ничто мнѣ теперь, я никогда не лю-

билъ ее! Если она не убьетъ меня, то я убью ее!

— Фелинъ, умоляю васъ, я боюсь!

Рамиро принужденъ поддерживать Терезу, которая рискуетъ упасть. Она близка къ обмороку. Онъ усадилъ ее на скамью, гладитъ ея руки.

Лицо m-r Соваль сдѣлалось строгимъ.

Мысль о происшедшемъ скандалѣ возмущаетъ его. У него сильное желаніе порвать все съ человѣкомъ, который осмѣливается жениться, имѣя за собою такое грязное прошлое.

Графъ Cotomayor угадалъ мысль m-r Соваль.

— Monsieur, произноситъ онъ, прошу васъ принять мои и Рамиро извиненія за то, что только что произошло здѣсь. Это результатъ послѣдней ошибки моего племянника. Но онъ порвалъ съ прошлымъ, клянусь вамъ, иначе я не былъ

бы здѣсь. Несмотря на стыдъ, испытанный отцомъ Терезы, онъ произноситъ:

— Да будетъ такъ, monsieur. У меня самое горячее желаніе вамъ вѣрить. Но постарайтесь, чтобы этотъ скандалъ не возобновлялся: дочь моя не перенесетъ его.

— Обѣщаю вамъ.

— Но какъ сдѣлать, чтобы Тереза не знала о дуэли?

— Вернитесь съ ней домой. Я же отправлюсь съ Фелиномъ, чтобы подготовить необходимую встрѣчу; скажите ей, что все устроится, что я обѣщалъ вамъ освободиться отъ маркизы, что теперь ей ужъ нечего бояться.

— Вы правы...

M-r Соваль наклоняется надъ дочерью.

— Тереза, дитя мое, прійди въ себя, не безпокойся. Ты не увидишь больше

этой женщины. Тереза, подымись, если можешь; мы поѣдемъ домой.

Соваль уѣзжаютъ.

Герцогъ Cotomayer и Рамиро спѣшатъ въ городъ, такъ какъ нужно найти секунданта для Фелина.

* * *

Тереза лежитъ въ chaise-longue въ бѣлой гостинной виллы Montmorency. Она провела ужасную ночь и теперь ждетъ съ нетерпѣніемъ своего жениха. Безсильно опустивъ голову на подушки, вытянувъ руки, она смотритъ въ одну точку... Губы ея сжаты, она не произноситъ ни слова...

Рамиро на дуэли.

Но вотъ еще нѣсколько минутъ, дверь гостиной открывается и онъ входитъ.

Однимъ движеніемъ Тереза вскочила.

— Фелинъ! кричитъ она.

И оба влюбленные — въ объятіяхъ другъ друга, въ то время какъ печальный рыцарь маркизы лежитъ блѣдный, какъ смерть, съ простреленной грудью и закрытыми глазами.

Герцогъ Cotomayor не проводилъ своего племянника. Онъ долженъ сдержать слово, такъ какъ обѣщалъ Соваль освободить ихъ отъ маркизы.

Послѣдняя теперь въ Парижѣ. Еще вчера въ Испанскомъ посольствѣ герцогъ узналъ ея адресъ.

Онъ отправляется къ ней. Не колеблясь, онъ передаетъ свою визитную карточку лакею.

— Не думаю, чтобы маркиза могла принять кого-нибудь въ данный моментъ, говоритъ послѣдній робко.

— Скажите ей, что герцогъ Cotomayor долженъ сдѣлать ей очень важное для нея сообщеніе.

Слуга уходитъ, но вскорѣ возвращается, прося герцога войти.

Черезъ нѣсколько минутъ слышится шумъ шелковаго платья и появляется маркиза, вся въ черномъ.

Она кажется еще блѣднѣе благодаря пудрѣ, которую она только что положила, чтобы скрыть слезы. Высокомѣрная Марія de Реаль дѣйствительно плакала, но не изъ состраданія къ своему рыцарю, а изъ-за гнѣва, благодаря испытанному ею униженію.

— Ну что, говоритъ она, вы довольны, вашъ племянникъ почти убилъ моего бѣднаго графа.

— Надѣюсь, что нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, madame, не на немъ отвѣтственность за подобное несчастье.

— Я понимаю васъ, вы хотите сказать, что я вина этому. О, это мнѣ безразлично! Пусть меня ненавидятъ,

пусть меня проклинаютъ, — все равно. Вы не знаете, до какой степени меня сдѣлали безчувственной ко всему...

Вы, кажется, хотите сообщить мнѣ что-то: мнѣ самой хотѣлось бы знать, что еще интересуетъ меня. Скажите, что же это?

— Я пришелъ, madame, почтительно просить васъ покинуть Парижъ.

— Что вы сказали?

— Я прошу васъ вернуться въ Мадридъ, или же уѣхать, куда вамъ будетъ угодно.

— Только это? Я отказываю.

— Я вижу, что буду принужденъ заставить васъ сдѣдать это.

— Можно ли знать, какимъ образомъ?

— У меня полномочія нашего правительства, и при помощи посоль

ства я могу выселить лицъ, которыя, благодаря скандаламъ, компрометируютъ доброе имя нашей страны. Умоляю васъ не принуждать меня сдѣлать это. Могу ли я знать вашъ отвѣтъ?

— Пускай такъ, говоритъ она. Я не могу бороться съ полиціей. Я уступаю и завтра вечеромъ выѣзжаю. Вы сможете прислать на вокзалъ полицейскаго который убѣдится въ томъ, что я уѣхала.

— Я не нанесу вамъ такого оскорбленія, а посмѣю просить разрѣшенія проводить васъ.

— Полно, ваша галантность напоминаетъ времена Изабеллы, и нѣтъ возможности вамъ сопротивляться, герцогъ. Заѣзжайте за мною завтра въ восемь часовъ. Я буду готова. Думаю, что теперь вы довольны?

— Глубоко признателенъ, произноситъ герцогъ, низко кланяясь.

— Вы увидите, я буду такъ разумна, что вы разрѣшите мнѣ присутствовать на свадьбѣ вашего племянника съ этой очаровательной барышней. Надѣюсь, что къ тому времени смогу пріѣхать въ Парижъ.

— Свадьба состоится въ Мадридѣ.

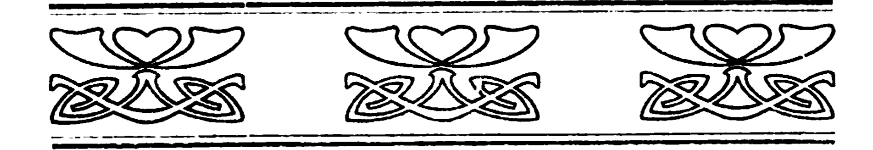
— О, да это будетъ прекрасно!

И черезъ минуту прибавила: вы дѣлаете, чудеса, герцогъ, вы меня переубѣдили и я счастлива, что имѣю удовольствіе разговаривать съ вами. Итакъ, до завтра, не правда ли?

И она подала ему руку.

Когда герцогъ ушелъ, маркиза подошла къ зеркалу, и, смотря на себя, прошептала:

— Въ Мадридѣ... мы увидимъ...

XVI

По дорогѣ, ведущей къ Pierrefonds идетъ Тереза Соваль блѣдная, очаровательная, какъ сама осень.

Она медленно шагаетъ, опираясь на руку своего стараго друга, miss Kitty, пріѣхавшей проститься съ своей ученицей предъ отъѣздомъ послѣдней въ Испанію. Она не будетъ сопровождать ее туда, такъ какъ здоровье не позволяетъ ей предпринять въ этомъ году такого длиннаго путешествія.

Молодая дѣвушка, переживъ волненія, которыя, къ счастью, прошли для нея безъ послѣдствій, по совѣту врачей снова вернулась въ деревню.

Но съ нѣкотораго времени она сильно чувствуетъ свое одиночество, несмотря на присутствіе родителей и miss Kitty.

Рамиро принужденъ былъ уѣхать по дѣламъ въ Мадридъ: ему необходимо благодарить нѣкоторыхъ лицъ, давшихъ ему возможность достигнуть цѣли, а также нужнō было представиться оффиціально молодому королю.

Онъ пишетъ ежедневно своей невѣстѣ, но эти письма не замѣняютъ ей дорогого присутствія, которое съ нѣкоторыхъ поръ стало для нея необходимымъ.

И уединеніе деревни присоединяется къ моральному уединенію, которымъ полна душа Терезы.

Она признается въ меланхоліи своей гувернанткѣ, которая слегка журитъ ее.

— Нельзя такъ много требовать отъ жизни, дорогое дитя, говоритъ она; и

вы должны принять это испытаніе въ нѣсколько недѣль, какъ уступку, сдѣланную ревностью судьбѣ. Подумайте сами: онъ баловалъ васъ, дѣлалъ все возможное; не сердитесь на него за эту мимолетную непріятность. Будьте разсудительны, darling.

— Я постараюсь... говоритъ Тереза улыбаясь.

Miss Kitty цѣлуетъ ее, и два друга ускоряютъ шаги, такъ какъ наступаютъ сумерки.

Слышится жалобный звонъ колокола.

На слѣдующій день miss Kitty, цѣлуя прозрачную щеку своей воспитанницы, произноситъ:

— Прощайте, дорогое дитя!

— Прощайте, дорогая miss.

Съ ней уходитъ дѣтство Терезы.

А между тѣмъ время идетъ.

Теперь нужно подумать о приданомъ,

а это—цѣлый міръ заботъ, въ которыя ушла дѣятельность мадамъ Соваль, вернувшейся въ Парижъ. Благодаря поспѣшности, которая ихъ поглощаетъ, онѣ не замѣчаютъ, какъ бѣгутъ дни; дочь забываетъ о своей нетерпѣливости, мать—о страшной разлукѣ.

Наступаетъ, наконецъ, ноябрь, а съ нимъ и время ѣхать.

Все готово, все заранѣе приведено въ порядокъ.

Рамиро выбралъ отель, гдѣ его невѣста остановится съ родными; рѣшено, что свадьба будетъ во французскомъ посольствѣ.

Свидѣтелями Терезы будутъ Жакъ de Тьенъ и первый секретарь.

Свидѣтелями Рамиро—герцогъ Coto mayor Martinez Campos, желающій оказать честь одному изъ лучшихъ солдатъ, оставляющему службу, чтобы пе-

рейти къ ихъ Королевскимъ Величествамъ.

Все предвидѣно. Замокъ счастья готовъ принять влюбленную, влюбленный же—на порогѣ, чтобы вручить ей золотой ключъ, который откроетъ двери.

Ей остается только войти.

Когда Тереза садится въ экспресъ, который отвезетъ ее въ страну Пиренеевъ, ей кажетея, что она уносится въ небеса, уходитъ изъ окружавшаго ее міра.

Вотъ дебаркадеръ. Поѣздъ трогаетъ.

Путешествіе начинается. Она не слышитъ, что говорятъ ей ея родители. Она сидитъ въ углу вагона, прижавшись къ стеклу окна.

— Испанія!

Терезу опьяняетъ быстрота и шумъ поѣзда. Часы идутъ. Проходитъ день, ночь, затѣмъ еще день.

Вотъ Пиринеи, ихъ скалы, имѣющія печать вѣчности, ихъ страшныя пасти, ихъ изумрудныя озера.

Сердце молодой дѣвушки сжимается въ пріятномъ ужасѣ на порогѣ новаго міра.

А вотъ и Испанія.

Строгость пейзажей охватываетъ страхомъ душу дѣвушки, очарованную геройскими подвигами обитателей этой страны.

Теперь поѣзда идутъ медленнѣе, впрочемъ какъ и все остальное въ этой странѣ.

Какъ она благодарна Испаніи за ея бѣдность и уединеніе, то, чѣмъ бываютъ такъ часто недовольны путешественники. Ей кажется, что здѣсь любовь должна имѣть безконечную сладость, что сюда

нужно убѣгать прижавшись другъ къ другу, отдавшись восторгамъ любви.

Мадридъ!

Рамиро и герцогъ Cotomayr ждутъ на вокзалѣ.

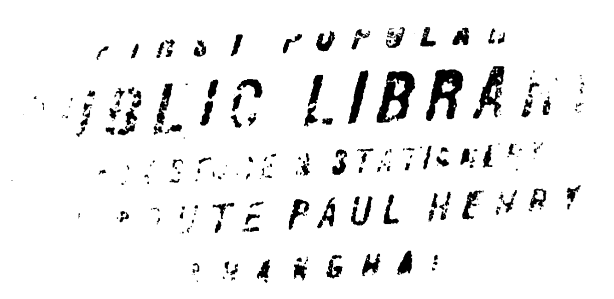
— Поцѣлуйте ее, говоритъ m-r Соваль Фелину.

И вотъ она на груди своего жениха, въ его нервныхъ объятіяхъ и первый поцѣлуй, который она получаетъ на территоріи Испаніи, заставляетъ ее забыть тотъ, который соединилъ ихъ губы въ влюбленную ночь тамъ, въ виллѣ Montmorency.

— Вы не очень устали? спрашиваетъ ее Рамиро.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ она, улыбаясь.

И это правда. Она не чувствуетъ усталости: ея волненіе поддерживало ее втеченіе всего путешествія; радостью блестятъ ея глаза, которые со времени

отъѣзда и даже много раньше забыли сонъ.

— Если бы вы знали, начинаетъ Рамиро, какъ время казалось мнѣ длиннымъ во время этихъ недѣль. Мое отсутствіе казалось мнѣ мучительнымъ, а между тѣмъ я былъ занятъ только вами, только вами. Мнѣ нужно было приготовить наше будущее, приготовить нашу квартиру. Вы можете посѣтить ее завтра, и я надѣюсь, что она понравится вамъ. Сегодня вечеромъ вы должно быть очень утомлены, герцогъ и я васъ проводимъ сейчасъ въ отель. Будьте добры сѣсть въ карету...

И жестомъ онъ указываетъ ландо прелестнаго новаго стиля, которое ждетъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Кучеръ и лакей—въ черныхъ ливреяхъ.

Тереза не можетъ сдержать дѣтской гримасы.

— О, а я, говоритъ она, мечтала о коляскѣ, запряженной мулами съ бубенчиками и пиренейскимъ хлыстомъ.

— Будьте спокойны, возражаетъ Рамиро съ снисходительной улыбкой, у васъ будетъ коляска съ мулами; мой дядя приготовилъ вамъ пару черныхъ, очень красивыхъ и такихъ тихихъ, что вамъ совсѣмъ не трудно будетъ управлять ими. Въ городѣ же мы употребляемъ менѣе романтичные экипажи.

Между тѣмъ герцогъ Cotomayor помогъ m-me Соваль сѣсть въ ландо, самъ садится съ m-r Соваль и молодыми людьми; лошади трогаютъ.

Тереза въ восторгѣ; она чувствуетъ себя вдали отъ Парижа.

А между тѣмъ, она немного разочарована новымъ стилемъ домовъ въ элегантныхъ кварталахъ. Къ счастью отъ

времени до времени встрѣчаются нищіе въ довольно живописныхъ, лохмотьяхъ,

А вотъ и отель, въ которомъ остановился Рамиро. Это—большое зданіе съ банальнымъ фасадомъ въ одномъ изъ новыхъ кварталовъ.

Путешественники выходятъ изъ кареты; происходятъ рукопожатія; чтобы дать возможность семьѣ Соваль отдохнуть, дядя и племянникъ оставляютъ гостей въ вестибюлѣ отеля.

Наступаетъ вечеръ.

Путешественники утомлены.

Послѣ обѣда они спѣшатъ въ свои комнаты.

Раньше, чѣмъ лечь, Тереза раскрываетъ окно. Предъ нею темное небо, усыпанное звѣздами: изъ глубины души она шлетъ любовное привѣтствіе темному городу: тутъ она проведетъ первые, самые сладкіе моменты своей любви.

Мадридъ! Мадридъ!

Какъ это слово поетъ въ ея душѣ!

Какъ оно сладко, звучно! Въ немъ,— все, чего она ждала, на что надѣялась!

Все, что свершилось, такъ прекрасно, такъ сверхестественно, что воображенiе дѣвушки отказывается вынести избытокъ обѣщанныхъ радостей, ее подавляетъ величiе ея судьбы.

Неужели можно быть такой счастливой на землѣ!

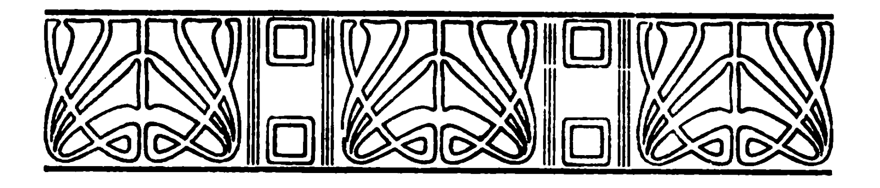
Это слишкомъ: до того обилiе радостей наполнило ея мысли и мечты; она тонетъ въ нихъ.

Опьяненная, дрожащая, она закрываетъ окно и машинально раздѣвается: она опускается на постель, чтобы провести на ней свою первую ночь въ Испанiи.

— Фелинъ!

Ея полуоткрытыя губы шепчутъ до-

рогое имя: во время сна онѣ остаются протянутыми, какъ бы въ ожиданіи поцѣлуя..

XVII

Монастырь Кармелитовъ построенъ въ тяжеломъ прекрасномъ стилѣ XVIII столѣтія. Онъ наполненъ живописью и статуями.

Набожность правителей, религіозность народа способствовали тому, чтобы обогатить его.

И эта тюрьма христовыхъ невѣстъ дѣйствительно великолѣпна.

Тутъ находилась сестра Рамиро, единственное живущее существо, представлявшее для него семью, такъ какъ герцогъ Cotomayor былъ для племянника скорѣе высокомѣрнымъ покровителемъ; что касается его двухъ сыновей, то

одинъ изъ нихъ Miguel велъ въ Мадридѣ жизнь офицера, которая была недоступна простому смертному; другой же Iuan былъ атташе въ одномъ изъ посольствъ.

Сесилія Рамиро, въ отреченіи—сестра Ірсула, ужъ много лѣтъ, какъ ушла отъ свѣта.

Фелинъ совсѣмъ забылъ эту несчастную дѣвушку, издавна обреченную на одиночество и холодъ кельи.

Но теперь онъ вдругъ сразу вспомнилъ о ней: у него явилась нѣжность—отголосокъ его счастья.

Онъ предложилъ Терезѣ посѣтить Сесилію въ монастырѣ.

Строгое правило запрещаетъ затворницамъ общеніе съ посторонними. На шумъ, съ которымъ Фелинъ открылъ калитку, вышла привратница и открыла дверь посѣтителямъ.

Жениха и невѣсту сопровождала m-me Соваль.

Они прошли дворъ монастыря, гдѣ распустились осенніе цвѣты въ блѣдномъ свѣтѣ ноябрьскаго солнца. Затѣмъ они вошли въ пріемную, почти пустую, напоминающую собою свѣжую могилу. По стѣнамъ религіозныя надписи—подражаніе эпитафій.

Рамиро и Тереза подошли къ окошку, которое одно позволяло визитерамъ сообщаться съ христовыми невѣстами.

— Сестра Ірсула сейчасъ придетъ, сказала привратница.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько минутъ спустя за рѣшеткой появилось бѣлое видѣніе, съ мертвенно блѣднымъ лицомъ и безжизненными глазами; губы, не шевелившіяся, произносили тихо латинскіе слоги мистическаго привѣтствія,

и голосъ казался дуновеніемъ, принесеннымъ изъ безконечнаго пространства.

„Laus Deo“.

И затѣмъ сестра Ірсула прибавила на этотъ разъ на родномъ языкѣ:

— Я счастлива васъ видѣть, мой братъ.

Счастлива! Это слово такъ странно звучало на этихъ губахъ, казавшихся каменными, какъ и другое слово: братъ!

Какое братство могло существовать между этимъ живымъ и этой мертвой?

Между этимъ человѣкомъ молодымъ, горячимъ, эгоистичнымъ, сладострастнымъ, который до сихъ поръ все покорялъ своимъ желаніямъ, все, даже любовь, и между этой дѣвушкой, высохшей благодаря воздержанію, молитвамъ, божественной любви?

— Позвольте мнѣ представить вамъ

мою невѣсту, говоритъ Рамиро. Потухшіе глаза устремились на Терезу, которая чувствуетъ, что съ этимъ взглядомъ проникаетъ въ нее странный холодъ.

— Вы красивы, моя сестра, снова продолжаетъ монотонный голосъ еще медленнѣе, съ трудомъ произнося французскія слова, неповторяемыя съ того времени, какъ Сесилія окончила свое свѣтское образованіе.

— Желаю отъ глубины души вамъ и моему любимому брата Фелину, чтобы цвѣты благодѣтелей вашихъ дали достойные плоды для неба.

— Благодарю васъ, моя сестра, произнесла не безъ труда молодая дѣвушка, едва осмѣливаясь отвѣчать существу, которое, какъ ей казалось, было уже внѣ жизни.

Разговоръ между Фелиномъ и Сеси-

ліей—или вѣрнѣе сестрою Ірсулой—продолжался еще нѣсколько минутъ. Съ трудомъ называла она имена нѣкоторыхъ родственниковъ, ушедшихъ изъ ея памяти. Затѣмъ что-то, похожее на улыбку, скользнуло на ея губахъ: это было прощаніе и тотчасъ же какъ испаряется бѣлизна тумана, исчезла живая покойница: оконце снова закрылось.

Видѣніе было теперь за глухой стѣной убѣжища мира: „Pax hominibus bonae volontaris" гласила траурная надпись.

— Синьорита посѣтитъ безъ сомнѣнія нашу святую часовню, предложила привратница.

Ея желаніе оказать услугу было такъ замѣтно, что молодая дѣвушка поспѣшила отвѣтить:

— Конечно.

Визитеры прошли въ галлерею и пришли къ низкой двери маленькой церкви.

Съ внѣшней стороны она имѣла тягостный видъ, какъ и большинство религiозныхъ зданiй въ Испанiи.

Внутри она была украшена съ тѣмъ торжественнымъ и страннымъ вкусомъ, гдѣ мотивы мавританской декорацiи смѣшиваются съ iезуитскимъ стилемъ. Золото колоннъ блестѣло въ полумракѣ.

— Какiя это статуи? спросила молодая дѣвушка тихимъ голосомъ, указывая на сѣрыя формы, стоявшiя у стѣны.

Привратница слегка улыбнулась:

— Это не статуи, синьорита, сказала она, эта кающiяся. Онѣ часто приходятъ сюда.

Это были въ дѣйствительности молящiяся на колѣняхъ женщины. Ихъ плащи были такого же цвѣта, какъ и стѣны, и

придавали имъ мертвенный видъ. Этихъ фантомовъ было четыре.

Тереза вздрогнула.

Она слѣдовала позади группы. Когда она поравнялась съ четвертой фигурой, то съ ужасомъ замѣтила, что капюшонъ ея повернулся къ ней, и изъ-подъ этой маски, гдѣ виднѣлись только глаза, послышались слова, смѣшанныя съ шопотомъ трехъ другихъ фигуръ, шептавшихъ молитвы:

— Я маркиза de Реаль; я была любовницей Рамиро, была ею въ то время, какъ онъ ухаживалъ за вами, даже въ Парижѣ, и расчитываю быть ею и тогда, когда онъ будетъ вашимъ мужемъ, такъ какъ онъ обѣщалъ мнѣ это, слышите вы? Онъ не любитъ васъ, онъ любитъ лишь ваши деньги. А теперь выходите замужъ!

Если Тереза не вскрикнула, если она

не упала безъ чувствъ, то только потому. что горе влюбленной заставило молчать ужасъ дѣвушки.

— Мнѣ немного холодно, мама, сказала она только. Выйдемъ, хотите?

Они оставили церковь. Небо было очень чисто, цвѣты улыбались въ блескѣ блѣднаго ноябрьскаго солнца.

Маркизѣ de Реаль нужно было лишь прочесть одну изъ мадридскихъ газетъ‘ чтобы узнать о пріѣздѣ семьи Соваль. Въ газетахъ былъ напечатанъ списокъ высокопоставленныхъ иностранцевъ, прибывшихъ въ Мадридъ по случаю королевскихъ торжествъ. При этомъ указывались и отели, въ которыхъ они остановились.

У нея явилась мысль отправиться въ отель, гдѣ остановилась Тереза и вызвать послѣднюю въ бюро. Но вскорѣ она измѣнила свое рѣшеніе, опасаясь

быть непринятой, назвавъ себя; боялась также не застать Терезу одну.

Она думала какъ остановить соперницу, какъ вдругъ увидѣла дамъ Соваль, выходящихъ изъ отеля въ сопровожденіи Рамиро. Маркиза поспѣшила къ отелю, гду и узнала отъ швейцара, что иностранцы по всей вѣроятности отправились въ монастырь Кармелитовъ, такъ какъ карета была заказана по этому адресу.

Тогда то у нея и явилась мысль одѣться богомолкой. Это была пятница — день, когда всѣ кающіяся посѣщаютъ монастыри и церкви.

Маркиза рѣшила, что непремѣнно отправится въ часовню при монастырѣ.

Ея планъ удался.

Она влила ядъ въ душу Терезы: этотъ ядъ былъ влитъ навсегда.

—

„Это не васъ, ваши деньги онъ любитъ!“

Ужасныя слова оставались въ ея памяти.

Неужели же ея счастье втеченіе всего времени было миражемъ? Фелинъ игралъ, оставаясь вѣрнымъ расчету, комедію любви? Пожатія рукъ, тихія объятія, нѣжная ласка въ этотъ первый вечеръ въ Biarritz'ѣ, когда онъ ее ужъ побѣдилъ; трудности переписки, опасность свиданій въ Булонскомъ лѣсу; безумная поэма ночныхъ свиданій, которыя заставляли ее переживать въ мирной виллѣ Montmorency любовныя легенды, достойныя Севильи во времена Донъ-Жуана: и все это обманъ, одинъ обманъ!

Неужели же въ эту прекрасную ночь, когда дочь строгихъ Соваль забыла свою стыдливость въ страстныхъ

объятіяхъ друга, поцѣлуй опьянившій ее, тоже былъ лживъ?

Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно. А маркиза, она лгала, когда осмѣливалась утверждать это; по крайней мѣрѣ въ ту очаровательную ночь Рамиро былъ искрененъ!

А между тѣмъ, какъ знать? Все возможно: вѣдь была же эта женщина его любовницей въ то время, какъ онъ называлъ себя ея женихомъ, даже во время ихъ обрученія.

Да, еще въ Парижѣ маркиза была любовницей Рамиро.

Его любовница!

Счастье, котораго она ждала отъ замужества, теперь казалось ей загрязненнымъ другою, которая вошла въ міръ физическаго блаженства, едва открытаго ея воображенію.

Она чувствовала себя униженной, при мысли о дѣлежѣ съ другою.

Ее угнетало сознаніе, что она была обманута.

А деньги! Вотъ гдѣ былъ весь ужасъ ея горя!

Сладость ласкъ, о которыхъ она еще такъ недавно вспоминала, была отравлена; теперь прошла увѣренность въ ея прежнемъ счастьѣ.

Когда Фелинъ цѣловалъ ея дрожащія руки, когда онъ согрѣвалъ ея холодныя ноги, озябшія въ зимнюю ночь, онъ не думалъ о побѣдѣ чистаго, дѣвическаго сердца, онъ думалъ о приданомъ!

Къ другому мѣсту уносилась его любовь, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ была его любовница. Его любовница!

Это страшное слово все время звучало въ ушахъ молодой дѣвушки; она слышала только его во время разговора,

шума улицы, пѣнія и звуковъ гитары, врывавшихся въ ея окно среди религіозныхъ гимновъ, наполнявшихъ церкви, въ которыя ее водили.

Все повторяло ей его, это безстыдное слово.

Но не только загрязненное прошлое, и потерянное будущее она оплакивала.

Во что превратились теперь ея иллюзіи и надежды?

Какое счастье могла она ждать отъ того, кто злоупотреблялъ ею?

Увы!

У нея даже не было сомнѣній:

Рамиро обѣщалъ маркизѣ, что вернется къ ней. Онъ удалилъ ее лишь на время, нужное для приготовленія свадьбы, послѣ чего онъ снова будетъ тѣмъ, чѣмъ въ дѣйствительности никогда не переставалъ быть: ея любовникомъ.

А Тереза, Тереза будетъ оказывать услугу, прикрывая ихъ связь.

Что дѣлать? Крикнуть Фелину: я знаю все!

Порвать все, не взирая на скандалъ?

Оставить Мадридъ и просить прощенія у родителей за то, что принудила ихъ дать согласіе на такой бракъ?

Это было невозможно.

Конечно, скандалъ не имѣлъ никакого значенія въ ея глазахъ, такъ какъ она забыла прежнюю робость дѣвушки, заботы о томъ, что скажетъ свѣтъ.

Все это было какь бы сметено теперь внутренней бурей.

Но она не могла порвать съ Рамиро, вѣдь она еще любила его, любила теперь, ревнуя и плача, любила такъ, какъ никогда еще не любила въ разгарѣ счастья.

Разстаться съ нимъ теперь, нѣтъ!

Теперь это было болѣе невозможно, чѣмъ когда бы то ни было.

Вдругъ ее осѣнила счастливая мысль: маркиза лгала, она ужъ не была его любовницей, она, быть можетъ, и никогда не была ею, во всякомъ случаѣ она для него не существовала больше.

Потомъ снова являлось сомнѣніе, оно росло, переходило въ противорѣчащую увѣренность, еще болѣе неумолимую; что было теперь неопровержимо, очевидно и ясно, то это—измѣна Рамиро.

Въ этомъ конфликтѣ противоположныхъ мнѣній, дѣвушка едва владѣла своимъ разсудкомъ.

Иногда она снова чувствовала большое довѣріе къ Фелину и обвиняла себя въ томъ, что оскорбляла его мысленно.

Тогда она влюбленно отвѣчала на нѣжность, которую молодой человѣкъ

вкладывалъ въ свои слова и невинныя ласки.

Въ другія минуты, сознавая свою наивность и напрасныя иллюзіи, она сильно страдала.

И если въ такіе моменты Фелинъ позволялъ себѣ пожатіе руки, легкое прикосновеніе къ ней губъ, она отталкивала его, блѣднѣя.

Эта не была стыдливость, а настоящій страхъ, почти отвращеніе.

И, какъ только она могла, убѣгала въ свою комнату, гдѣ свободная наконецъ, выливала свое горе въ слезахъ и рыданіяхъ.

Фелинъ не узнавалъ своей невѣсты, мало-по-малу онъ пришелъ къ заключенію, что между ними произошло недоразумѣніе, растущее съ каждымъ днемъ. Онъ рѣшилъ объясниться съ нею.

Но это было очень трудно: они никогда не оставались одни.

Наконецъ онъ воспользовался отсутствіемъ г-на Соваль, отравившагося съ визитомъ къ одному изъ своихъ коллегъ, и легкимъ нездоровьемъ m-me Соваль. Послѣ завтрака Рамиро увелъ свою невѣсту въ гостиную, утопавшую въ зелени.

— Я хочу говорить съ вами, сказалъ онъ.

Сердце дѣвушки забилось.

Она поняла, что Рамиро спроситъ у нея причину ея перемѣны.

Какъ признаться въ томъ, въ чемъ она его обвиняла?

Она боялась того, что ей нужно было сказать.

— Тереза, сказалъ Фелинъ вполголоса, вы совсѣмъ другая со мною

вотъ ужъ нѣсколько дней. Въ чемъ дѣло?

— Ничего, отвѣтила она, стараясь улыбнуться.

Фелинъ покачалъ головой.

— Будьте искренни, продолжалъ онъ. Моменты дороги: ежеминутно намъ могутъ помѣшать. Прошу васъ, не будемъ терять времени. Ваше отношеніе ко мнѣ сразу измѣнилось съ нѣкотораго времени съ тѣхъ поръ, какъ мы посѣтили сестру Сесилію въ монастырѣ. Что произошло въ этотъ день? Я не припоминаю. Но вы, вы знаете хорошо, такъ какъ вы измѣнились съ этого дня. Отвѣтьте мнѣ, что могъ я сказать или сдѣлать, что могло бы вамъ не понравиться?

— Вы ничего не сказали Фелинъ, вы ничего не сдѣлали.

— Въ такомъ случаѣ?

Безконечная тоска охватила душу дѣвушки. То, что она произнесетъ, рѣшитъ ея участь.

Что дѣлать? Отвѣтить, молчать?

Но она не могла больше молчать: взглядъ Фелина требовалъ правды.

— Что же? настаивалъ онъ.

Она сдѣлала усиліе и отвѣтила:

— Со мною говорили.

— Кто?

— Маркиза de Реаль.

Фелинъ вздрогнулъ.

— Какъ? Что вы говорите? Вамъ должно быть снилось... Ея тамъ не было!

— Она была тамъ, въ часовнѣ. Когда я прошла мимо нея...

Она остановилась, ей не хватало воздуха.

— Что же!

— Она заговорила ко мнѣ.

— И что она вамъ сказала?

— Что вы... что она... была... О, Фелинъ, я не могу... Я не могу кончить...

— Но я этого хочу!

И на этотъ разъ она уступила.

— Что она была... вашей любовницей... Да.. и что даже въ Парижѣ... и что вы обѣщали ей... остаться... ея любовникомъ...

— Это все?

— Она еще сказала, что вы не любите меня, что вы женитесь на мнѣ изъ за моихъ денегъ.

— Ахъ, несчастная! прошипѣлъ Рамиро.

Но онъ скоро покорилъ свой гнѣвъ, и замѣтилъ почти спокойнымъ голосомъ

— И вы повѣрили ей, не правда ли?

Этотъ увѣренный тонъ взволновалъ Терезу, она ужъ была на его сторонѣ, обвиняя себя.

— О, Фелинъ, прошептала она, простите меня!

— Конечно, вы должны были ей повѣрить... Тѣмъ болѣе, что часть этого вѣрна...

— Что вы говорите? спросила она, блѣднѣя.

— Наша прежняя связь всѣмъ извѣстна; я и вамъ въ этомъ признался, если вы припоминаете. Не буду отрицать того, что я любилъ эту женщину... безумно любилъ.

— Фелинъ, ради Бога...

— Человѣкъ, какъ я, никогда не стыдится ни за одно изъ своихъ чувствъ. Маркиза была для меня единственной женщиной, существовавшей на землѣ; и такъ продолжалось до того дня, какъ я васъ узналъ. Съ тѣхъ поръ она стала для меня безразличной.

— Но позже, въ Парижѣ...

— Есть вещи, которыхъ нельзя объяснить дѣвушкѣ. Вы не можете понять, что меня извиняетъ въ томъ, что вы называете измѣной. Но съ тѣхъ поръ, какъ я васъ знаю, я никого кромѣ васъ не любилъ. Если я позволилъ ей надѣяться, несмотря на твердое желаніе ее не видѣть, то только для того, чтобы удалить ее какъ можно скорѣе... Это было нужно.

— А... другое, что она мнѣ сказала... и что еще хуже?...

— Ахъ да, ваше приданое!

Онъ горько улыбнулся и поднялъ плечи.

— На это, мой другъ, я не могу вамъ отвѣтить. Развѣ вы принадлежите къ числу тѣхъ, которыхъ добиваются изъ-за денегъ? Принадлежу ли я къ тѣмъ, которые женятся лишь для того, чтобы

разбогатѣть? Вамъ судить. У меня нечѣмъ оправдать себя. Рѣшайте сами.

И, схвативъ ея руку, онъ продолжалъ:

— Посмотрите на меня, Тереза, посмотрите хорошо. Клянусь вамъ, что люблю васъ любовью святой, вѣчной, больше всего на свѣтѣ. Посмотрите на меня и если вы найдете малѣйшую неувѣренность, смущеніе въ моихъ глазахъ,—прогоните меня: я самъ прошу объ этомъ.

Еще разъ Донъ-Жуанъ былъ искрененъ и блестяще исполнилъ свою роль.

— Ахъ, Фелинъ, Фелинъ, простонала обезоруженная дѣвушка.

— Вы сомнѣвались, снова началъ онъ печальнымъ голосомъ. Иначе быть не могло. Вы еще будете сомнѣваться.

— Нѣтъ, клянусь вамъ.

— Не клянитесь: вы, можетъ быть, измѣните вашей клятвѣ.

— Вы сердитесь на меня?

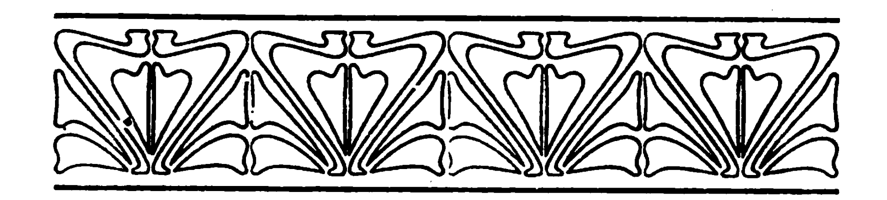
— Нѣтъ, я обожаю васъ...

Наступило молчаніе. Вдругъ Фелинъ поднялъ голову.

— Впрочемъ, продолжалъ онъ улыбаясь, я надѣюсь заставить васъ измѣнить обо мнѣ мнѣніе. Я хочу заслужить васъ и побѣдить, если это возможно: мнѣ недостаточно ужъ получить васъ отъ вашихъ родителей.

— Что вы хотите сказать?

— Что моя родина—родина Донъ-Кихота, что я храбрый гидальго, котораго еще не знаютъ. Вы увидите.

XVIII

Два офицера Испанской арміи удостоились чести бороться съ быками въ присутствіи ихъ Королевскихъ Величествъ. Они должны были быть на лошадяхъ и защищать одновременно себя и животныхъ.

Въ Испаніи есть обычай такой борьбы предъ бракосочетаніемъ лицъ Королевской семьи.

Такъ было и теперь, передъ свадьбой короля и принцессы Mercédès, его родственницы.

Толпа собралась вокругъ арены.

Пріѣхали король съ королевой и заняли мѣста въ ложѣ.

Заиграла музыка.

Наконецъ появилась роскошная карета въ стилѣ XVIII столѣтія, позади находились напудренные лакеи.

Карета въѣхала на арену, сдѣлала кругъ и выѣхала.

Въ ней находились герои боя.

Послѣ нѣсколькихъ моментовъ ожиданія появился на прекрасной андалузской лошади первый офицеръ.

Онъ былъ одѣтъ въ черный бархатъ, голова была украшена перьями.

Онъ былъ блѣденъ, во взглядѣ свѣтился огонь.

Это Фелинъ Рамиро, онъ долженъ былъ выступить первый.

Передъ тѣмъ какъ бросить копье въ несчастное животное, онъ сталъ искать глазами ложу.

Вскорѣ онъ остановилъ свой взглядъ на одной изъ нихъ. Это была ложа посольства, въ которой находилась семья Соваль съ Жакомъ de Тьенъ. Въ тотъ же моментъ другіе взгляды устремились на Терезу, и послышался шопотъ:

— Это его невѣста! Она очень красива!—Да, но какъ она блѣдна!..

Тереза въ дѣйствительности казалась мертвой.

Ея женихъ, ея возлюбленный, ея Фелинъ рисковалъ жизнью.

Переведя глаза на другую ложу, онъ съ ужасомъ замѣтилъ въ ней маркизу Марію de Реаль, и рядомъ съ нею графа Ibanez. Ни ненависти, ни ревности, ни гнѣва нельзя было прочесть на ея лицѣ. Оно было покрыто тайной.

Раздался трубный звукъ, королева махнула платкомъ. Бой долженъ былъ начаться.

Выпустили быка.

Рамиро мчится къ животному, втыкаетъ копье ему въ спину.

Раздаются аплодисменты, но разъяренное животное бросается къ противнику, поднимаетъ его на рога и ударяетъ о рѣшетку.

Спѣшатъ на помощь, но слишкомъ поздно!

Грудь Рамиро пронзена.

— Онъ раненъ!.. онъ мертвъ!..

Другіе голоса кричатъ:

— Продолжайте.

Дѣйствительно продолжали, такъ какъ народъ слишкомъ взволнованъ.

Тереза Соваль упала, умирая.

Ея отецъ и Жакъ de Тьенъ унесли ее, безумные отъ страха, чувствуя, что она кончается на ихъ рукахъ.

Быкъ былъ причиной двухъ жертвъ.

А между тѣмъ умирающій Рамиро былъ перенесенъ въ сосѣднее помѣщеніе. Врачъ, друзья и любопытные окружили его.

Всѣхъ отталкивая, спѣшитъ къ нему женщина и бросается на колѣни.

Это маркиза. Не произнося ни слова, она жадно цѣлуетъ его въ губы, кровь, хлынувшая изъ его рта, заливаетъ лицо и корсажъ любовницы.

Она тихо шепчетъ:

Фелинъ... Фелинъ...

Тѣ, кто были тамъ, не знали, было то мученіе или же радость.

Она взяла голову своего возлюбленнаго въ руки, смотрѣла ему въ глаза.

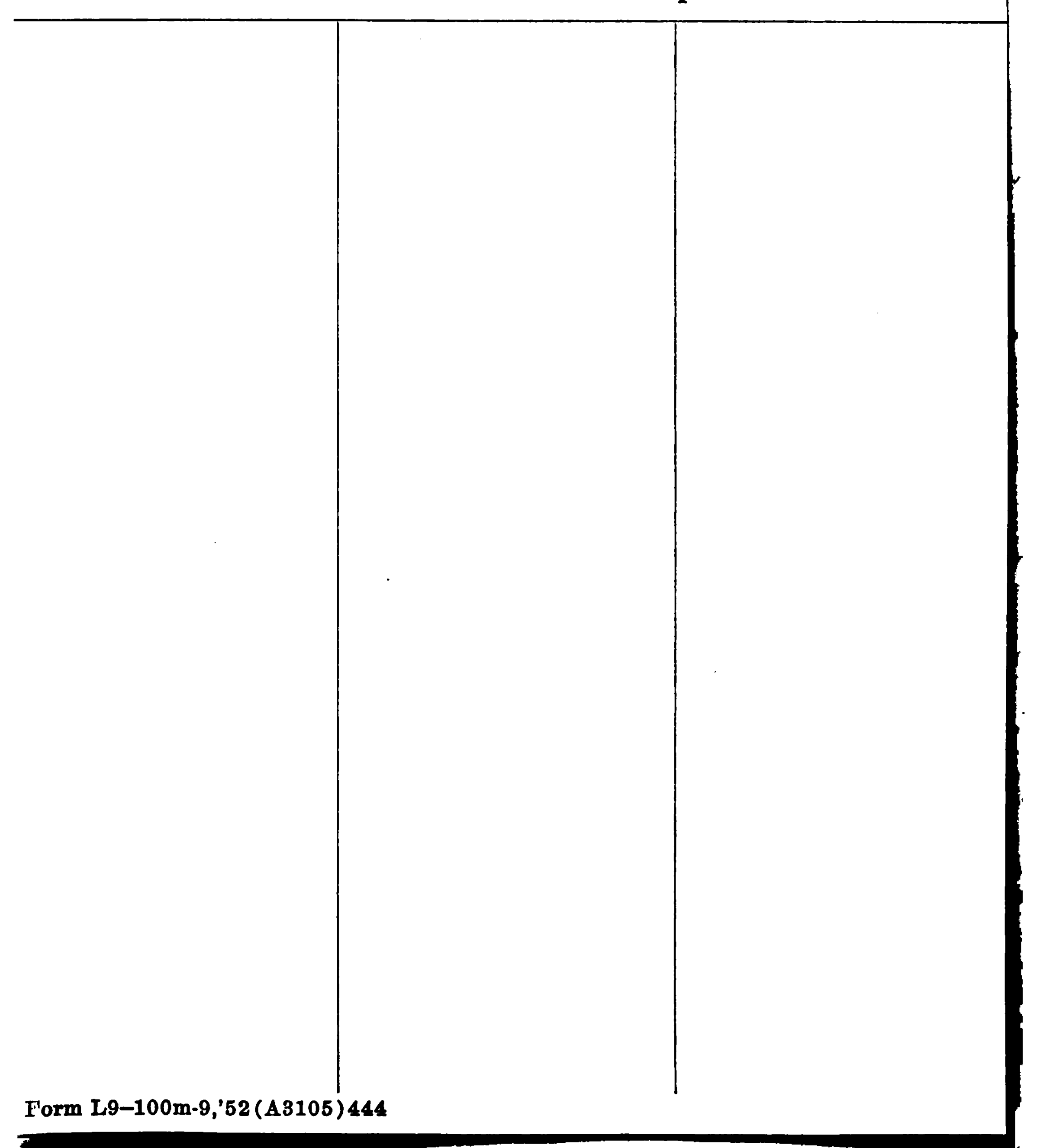
Когда она отвела руки недвижная голова упала съ шумомъ на землю.

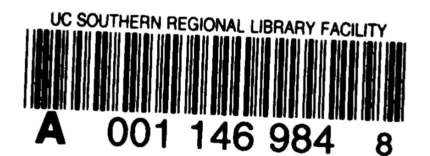
Съ арены доносились аплодисменты...

Поднявшись, маркиза расхохоталась, безумная.

На ея губахъ были слѣды краснаго поцѣлуя.

Конецъ.

UC SOUTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
A 001 146 984 8

